

A stylized, dark silhouette illustration of a tropical scene. It features several tall palm trees with large, feathery fronds that spread across the top of the frame. In the foreground, there are smaller palm trees of varying heights. A bird is depicted in flight on the left side. The entire scene is set against a light, textured background.

А. ЧУМАЧЕНКО

ЧЕЛОВЕК
СЛУНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

А.ЧУМАЧЕНКО
ЧЕЛОВЕК
С ЛУНЫ

*П*ОВЕСТЬ
ВЕЛИКОМ РУССКОМ
ПУТЕШЕСТВЕННИКЕ
МИКЛУХО ~ МАКЛАЕ

*Рисунки
П. Староносова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА »

М О С К В А

902.7
Ч—90

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Д л я м л а д ш е г о в о з р а с т а

Чумаченко Ада Аргемьевна

ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ

Ответственный редактор *М. С. Брусиловская*. Консультант по художественному оформлению *П. И. Суворов*. Технический редактор *Е. М. Захарова*. Корректоры *Л. М. Николаева* и *Т. Ф. Юдичева*. Сдано в набор 5/X 1965 г. Подписано к печати 23/XI 1965 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 5.5⁰. Уч.-изд. л. 4.35. Тираж 75 000 экз. Цена 25 коп.

Издательство «Детская литература». Москва М. Черкасский пер., 1.
Фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Москва. Сущевский вал, 49.
Заказ № 3028.

ПРИБЫТИЕ

8 сентября 1871 года в двенадцать часов дня корвет «Витязь» вошел в залив Астролябия.

Лязгнула якорная цепь. Пар со свистом вырвался из трубы парохода. С «Витязя» спустили шлюпку, и трое человек прыгнули в нее. Капитан парохода перегнулся через борт и, щурясь от солнца, смотрел на них.

— Николай Николаевич, — крикнул он, — захватили бы еще людей! Кто их там знает, папуасов этих. Видите, сколько их на берегу. Еще случится что-нибудь...

Человек в белой шляпе, один из трех находившихся в лодке, поднял лицо.

Из-под черных усов блеснули белые зубы. Он улыбался.

— Не бойтесь, капитан. Ничего со мной не случится.

— А ружье у вас есть? Где ваше ружье? Я же говорил вам, чтобы вы захватили оружие!

Человек в белой шляпе покачал головой:

— Есть бусы, есть ленты, есть материя. Зачем мне ружья? Я предпочитаю разговаривать без пороха.

И, махнув шляпой, опустился на скамью шлюпки. Весла поднялись, описав полукруг, разрезали воду. Узкий след побежал за рванувшейся вперед лодкой.

Капитан вытер лоб, покачал головой и уже не громко, а тихо, сквозь зубы, пробормотал себе под нос:

— Только один Миклухо-Маклай способен на это! К дикарям, к людоедам — и вот так: без ружья, без револьвера, без охраны...

Он сердито сунул в рот свою коротенькую трубочку и запыхтел, раскуривая ее.

Шлюпка шла к берегу уверенно и быстро. Миклухо-Маклаю казалось, что берег сам наплывает на его маленькое суденышко. Все ближе и ближе становилась желтая полоса песка. Выше вырастали горы. Темная масса густой зелени превращалась в заросли узорчатых пальм. С прибрежных скал свешивались прямо в воду сильные, гибкие ветки вьющихся растений. Ветер доносил пряный и сладкий аромат незнакомых цветов и трав. Между деревьями вдалеке поднимались тонкие струйки дыма. Там жили люди. Люди были и на берегу. Миклухо-Маклай уже ясно различал их. Они робко жались друг к другу, молчаливо ждали приближения шлюпки. Темные обнаженные тела блестели на солнце, как хорошо отполированное дерево. Пестрели цветы, воткнутые в густые курчавые волосы.

Миклухо-Маклай, стоя в шлюпке, смотрел на берег. Глаза его внимательно следили за каждым движением столпившихся на берегу людей. Так вот они, его товарищи, с которыми он будет жить столько вре-

мени лицом к лицу, с глазу на глаз! Вот они, его будущие друзья, а может быть, и враги, кто знает! Говорят, они до сих пор еще едят человечесье мясо. Белые люди называют их дикарями. Ему столько рассказывали об их жестокости и лукавстве! А они, кажется, сами боятся его. Как хорошо, что он не взял с собой ни оружия, ни охраны! Он приехал к ним как друг, и они должны знать это.

Люди на берегу испуганно зашевелились. Бросившись к кустам, они помедлили две-три минуты, а потом вдруг, как по команде, исчезли в густой чаще зелени. Кокосовый орех, оставленный папуасами, лежал на берегу. Уж не хотели ли они умиловить пришельцев этим подарком?

— Я не выйду: они боятся меня,— сказал Миклухо-Маклай.— Подождем еще несколько минут.

И он снова спокойно опустился на скамейку.

Черная рука осторожно раздвинула ветви. Высокий человек, вооруженный длинным копьем, медленно шагнул вперед. Он поднял копье высоко над головой и знаком показал Маклаю на море.

«Вернись! Уйди от нас! — говорил его жест.— Мы не хотим, чтобы ты был здесь. Мы не знаем тебя. Ты чужой. Ты враг».

Маклай протянул вперед руку с длинными полосами красной блестящей материи. Он несколько раз взмахнул ими в знак приветствия и бросил далеко перед собой в белую пену прибоя. Волны тихонько потянули ленты за собой и швырнули на камни.

— Гребите назад! — скомандовал Маклай своим спутникам.— При нас они ни за что не притронутся к этим лоскуткам. Отплывем подальше и посмотрим, что будет.

Сильный взмах весел отбросил шлюпку назад. Несколько папуасов снова показались на берегу. Робко поглядывая на шлюпку, они вошли в воду. Наконец

более храбрый нерешительно протянул руку к красным лоскутьям.

— Гребите вдоль берега,— сказал Маклай.— Видите отмель? Там нет никого, там и выйдем. Здесь мы только испугаем их.

Шлюпка мягко врезалась в песок. Узенькая тропинка начиналась прямо от берега.

— Не ходите за мной. Я скоро вернусь,— сказал Маклай своим спутникам и быстро зашагал вверх по лесной тропинке.

ПЕРВЫЙ ДРУГ

Маклай раздвинул ветки и осмотрелся. Узенькая тропинка привела его к широкой, хорошо утоптанной площадке. Кругом стояли хижины. Их крыши были сделаны из пальмовых листьев, двери были открыты. Окон не было. Свет проникал в жилище только через дверь, и, остановившись у входа, Маклай с трудом рассмотрел в темноте очаг, сложенный из камней, помост из бамбука, очевидно для спанья, кое-где по стенам связки перьев и раковин, а в глубине, в темноте, под самой крышей,— человеческий череп. Череп был совсем черный от копоти, и Маклай заметил его не сразу.

Маклай отошел от хижины на несколько шагов и остановился на середине площадки.

Кругом, казалось, не было ни души. В листве деревьев мирно пели птицы. В траве трещали насекомые. Тени от веток колыхались на утоптанной земле.

Но люди, очевидно, только что были здесь. Недопитый кокосовый орех с «молоком» — беловатой жидкостью — еще валялся на земле. Брошенное в кусты весло было влажно. Расколотый бамбук лежал у входа в хижину. Здесь кто-то только что работал

над ним. Неоконченное ожерелье из раковин висело, зацепившись за куст: его уронили на бегу, и раковинки ссыпáлись с тихим шумом, медленно соскальзывая с волокнистой травинки, на которую они были нанизаны.

Маклай стоял, прислушиваясь к пению птиц, звону цикад, шуму быстрого горного ручья. Шорох позади вдруг привлек его внимание. Он быстро обернулся и увидел человека. Человек замер на месте, потом вздрогнул и бросился бежать.

— Стой! Стой! — крикнул Маклай и кинулся за ним, ощупывая на бегу карманы.

Несколько лоскутков и лент попало ему под ру-

ку. Маклай вытащил один из обрывков и высоко взмахнул им:

— Стой! Не бойся! Я не сделаю тебе ничего плохого! Я друг! Слышишь? Я друг!

Голос Маклая звучал ласково и просительно.

Бегущий человек как будто понял его. Он остановился и посмотрел на Маклая.

Николай Николаевич медленно подошел к папуасу и так же медленно, боясь испугать лишним движением, протянул ему красный лоскут. Папуас осторожно взял его и внимательно осмотрел, переворачивая то на одну, то на другую сторону.

И вдруг, засмеявшись, быстро и ловко повязал лоскут на свою курчавую голову.

Маклай жадно всматривался в лицо папуаса. Нет, страшного в нем не было ничего!

Из-под нависших бровей на него смотрели любопытные глаза. Большой рот, почти скрытый бородой и усами, улыбался. Черные курчавые волосы, приплюснутый нос, сильное темное тело. На бедрах папуаса была грязная повязка, заменявшая ему одежду. На руках с тугими мускулами светлели браслеты, сплетенные из сухой травы и украшенные пестрыми раковинками. За одним из браслетов торчал зеленый лист бетеля, за другим — костяной нож. Маклай высоко поднял руки, ладонями вперед.

— Я друг! Друг! — говорил он папуасу. — Я один! Я без оружия! Я не обижу тебя. Не бойся!

Наклонив голову немного набок, папуас вслушивался в звуки непонятных для него слов. Должно быть, и он не находил ничего страшного в этом белом человеке, приплывшем сюда на диковинной пироге.

Его, пожалуй, больше удивляла одежда Маклая, чем он сам. Вытянув осторожно вперед палец, папуас тихонько прикоснулся к отвороту пиджака. Зачем эта вторая кожа? Значит, у белого человека нет на-

стоящей темной блестящей кожи, которая бы защищала его от дождя, солнца и ветра? Бедный белый человек!

Обрадованный этим доверчивым жестом, Маклай опустил руку на плечо папуаса.

— Пойдем со мной,— проговорил он еще ласковей, еще спокойней.— Пойдем со мной на берег. Я покажу тебе мою лодку. Я подарю тебе табуку. Я буду твоим другом. Я — Маклай. Понимаешь? Я — Маклай! — И Николай Николаевич несколько раз легонько стукнул себя по груди.

Папуас широко улыбнулся. Он что-то понял.

— Мак-лай,— с трудом повторил он и показал на Николая Николаевича. И вдруг, высоко вскинув голову, он с размаху шлепнул себя по груди и выкрикнул торжественно и гордо: — Туй! Туй!

Маклай весело закивал головой:

— Понимаю. Ты — Туй. Я — Маклай. Ты — Туй. Я — Маклай. Вот и хорошо! Вот мы и знакомы. Вот мы и друзья!

НА ЛЕСНОЙ ТРОПИНКЕ

Ульсон и Бой долго ждали возвращения Маклая.

— Пойдем искать.— сказал наконец Ульсон и лениво поднялся с камня.

Солнце разогрело его. Хорошо было бы еще часок подремать здесь, в легкой тени, щурясь на пестрых птиц величиной с бабочек и бабочек величиной с птиц, перелетающих в густой листве деревьев. Но нужно было идти. Тени стали длиннее и передвинулись направо. Значит, времени прошло немало. На «Витязе», верно, начинают уже беспокоиться.

Ульсон толкнул Боя, сладко похрапывавшего рядом с ним. Бой зевнул и протер глаза.

— Надо идти искать,— недовольно повторил Ульсон.— Понимаешь? Туда. В лес. Искать.

Ульсон и Бой плохо понимали друг друга. Ульсон был швед, светловолосый сероглазый человек, Бой — подвижной и ловкий житель Полинезии.

По договору, они должны были на год остаться с Маклаем на этом незнакомом берегу — помогать ему в его хозяйстве, готовить для него пищу, ходить с ним на охоту, разбирать коллекции, набивать чучела птиц и зверей, чистить ружья.

Они не совсем понимали, зачем это Миклухо-Маклаю, ученому и уважаемому всеми человеку, нужно было оставаться здесь, среди папуасов — среди дикарей, которые еще до сих пор едят людей. Подумать только: едят человечесье мясо! При мысли об этом Ульсон чувствовал, как мурашки бегают у него по спине и сердце начинает колотиться чуть-чуть быстрее, чем надо. Разве не мог этот ученый жить, как все приличные люди: в большом, шумном городе, в высоком доме со светлыми окнами, ходить в клуб, читать газеты, есть вкусную пищу, не опасаясь ни змей, ни крокодилов, ни отравленных стрел, ни дикарей-людоедов?

Но рассуждать много не приходилось.

Миклухо-Маклай щедро платил за их помощь, и каждый из них думал, что год пройдет быстро, работа, в сущности, будет нетрудной, а через год они смогут вернуться к себе домой с изрядным запасом денег, вещей и интересных рассказов.

Но, как бы то ни было, Ульсон все же не мог отказать себе в удовольствии поворочать.

— У нас в Швеции ни один умный человек не решился бы на это,— говорил он и сейчас, на ходу оборачиваясь через плечо к Бою.— Ну, я понимаю, попутешествовать. Ну, я понимаю, посмотреть. Ну, я понимаю, поохотиться. Но так — на целый год к ди-

карям! К людоедам! И еще по собственному желанию!.. Очень странный человек! Ты слышишь, Бой, это очень странный человек.

Бой плохо понимал Ульсона, но он кивал головой, и Ульсону казалось, что Бой тоже согласен с ним.

— Если бы не мой домик в Мальме, я ни за что бы не поехал с ним, — продолжал Ульсон, — но я хочу непременно построить себе домик на эти деньги. Знаешь, Бой, у меня будут белые занавески, цветы в горшках и медные кастрюли на кухне. Я очень люблю медные кастрюли, Бой. А за домом у меня будет огород — у нас в Мальме все разводят огороды. Я посажу там капусту — вот такие кочаны капусты! Репу — вот такую репу! Редис — вот такой редис! Это будут настоящие овощи. А по утрам я буду пить кофе со сдобной булкой и курить трубочку. Понимаешь, Бой, — трубочку! Вот так: паф, паф, паф!..

И Ульсон сделал вид, будто выпускает клубы дыма из своей воображаемой трубки.

— Странный человек! Это очень странный человек! — продолжал Ульсон. — Ты знаешь, я очень много слышал о нем на корабле. Оказывается, он уже не впервой идет на такое дело. Несколько лет тому назад он путешествовал в этой... как ее... в Аравии... Ну, словом, на берегу Красного моря. Морских животных исследовал каких-то, собирал ракушки, слизняков. И совершенно один! Понимаешь, совершенно один! А арабы эти тоже не из приятных. Увидят европейца — чик! — и готово!.. Не пускали к себе. Так напшто что придумал! Представь себе: обрил голову, лицо и руки выкрасил коричневой краской, на плечи накинул бурнус — одежду такую арабскую — и один днем и ночью — вот таким арабом по всему побережью за своими паучками! Говорили мне на корабле, что нелегкое было дело, совсем нелегкое. И лихорадка его била, и солнце жгло, и с разбойниками встре-

чаться приходилось, и цингой он там болел, и дикие звери на него нападали — и, видите, все ему ни о чем! Не отшибло охоты. Сначала к арабам, теперь к папуасам. Награду ему за это какую обещали? Или орден? Прямо даже не поймешь как следует. Но только странный человек! Очень странный!

И Ульсон снова остановился, чтобы перевести дух, но Бой как будто даже и не слушал его.

Вытянув шею, он встревоженно прислушивался к чему-то. Из-за кустов глухо доносились голоса.

— Это господин, — сказал Бой, обернувшись к Ульсону. — Это есть голос господина. Может, господину есть плохо?

И Бой решительно двинулся вперед.

НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Маклай и Туй стояли на площадке между хижинами и хлопали друг друга по рукам.

— Туй! — кричал Маклай.

— Маклай! — кричал Туй.

И оба улыбались друг другу.

Ульсон и Бой, выбежавшие из кустов, с удивлением смотрели на них.

— Все хорошо! — сказал Маклай. — Вот мы уже и подружились. Ульсон, нет ли у вас табаку? Мне хочется что-нибудь подарить Туя.

Ульсон молча вытащил из кармана пачку табаку и протянул Туя. Туй повертел ее и, не зная, что делать с подарком, сунул пачку за свой браслет.

Затем он повернулся к зарослям и что-то крикнул на своем гортанном наречии.

Ветки легонько шевельнулись. То здесь, то там среди раздвинутой листвы показывались курчавые головы и темно-коричневые руки. Туй делал знаки,

приглашая людей подойти поближе, но папуасы стояли не двигаясь.

— Подходите, подходите, не церемоньтесь. Будьте как дома, — ободрял их расхрабренный Ульсон, подмигивая Маклаю, но не делая ни одного шага вперед.

Папуасы жались друг к другу и молчали. Маклай взял одного из них за руку и вывел на середину площадки. Потом второго. Потом третьего. Их было человек восемь, и каждого из них нужно было вывести за руку и усадить в кружок на самой середине площадки. Это было не так уж легко. Маклай отер пот со лба и, усадивши последнего, сел сам среди них на камень.

— Ну, Ульсон, — сказал он, — что у нас есть с собой? Давайте сюда!

Из сумок, перекинутых через плечо, Ульсон и Бой доставали всякую мелочь.

Здесь были и бусы, и гвозди, и крючки для рыбной ловли, и обрывки ярких материй.

Папуасы с любопытством присматривались к диковинным подаркам и охотно, хотя и осторожно брали их из рук Маклая.

— Нет, ты только посмотри на них! — шептал Ульсон на ухо Бою. — Ну мыслимое ли дело, чтобы христианин и приличный человек водил компанию с этими субъектами? Посмотри, какие на них ожерелья. Будь я проклят, если они не из собачьих зубов! А что они делают со своими носами! Посмотри, каких палочек понатыкали они туда. Некоторые, ей-богу, не тоньше моего карандаша. А у этого вместо палочки — кость. А у этого — раковина! А посмотри, какие волосы! Ведь они же выкрашены красной глиной!.. А в волосах — цветы, перья, деревянные гребни, рыбьи кости! Вот франты так франты! Воображаю, сколько бы дали в Швеции, чтоб только посмотреть!

на них! Вот захватить бы туда с собою парочку! Только наш-то разве согласится на это! Он и разговаривает с ними, как с родными братьями. По плечу треплет, смеется, за руку берет... И это белый человек! Знаменитый ученый!

И Ульсон даже передернул плечами от возмущения.

Бусы, гвозди и ленты были розданы. Папуасы радостно вскрикивали, хлопали в ладоши, пробовали гвозди на зубок и с увлечением тыкали тонкие травинки в отверстия бус. Обменявшись с Туем несколькими фразами, двое юношей направились к хижинам. Оттуда они вынесли кокосовые орехи, связки бананов и даже двух поросят, крепко-накрепко связанных лианами.

Маклай с удивлением смотрел на груды провизии, сложенной у его ног. Туй смеялся подбоченившись. Ульсон ткнул ногой в поросенка и одобрительно хмыкнул:

— Ну что ж, поросята ничего. Не хуже, чем в Мальме. Я думаю, следует взять.

Маклай обернулся к Туу и решительно замотал головой.

— Не надо! Мне ничего не надо! — говорил он. — Оставьте это у себя. Слышишь, Туй, оставь это себе!

Но Туй тоже замотал головой. Он повелительно протянул руку сначала к поросятам, а потом к Маклаю. «Твое», — говорил этот жест.

Маклай устало пожал плечами:

— Ну, что ж поделаешь! Значит, такой у них обычай. Бери поросят, Бой.

Но папуасские юноши сами наклонились к своим подаркам. Они высоко подняли их над головой и остановились, ожидая приказа Маклая.

Маклай посмотрел еще раз вокруг себя. Тонкий месяц, точно запутавшись в перистых листьях паль-

мы, уже светлел на бледно-зеленом небе. Вечер подошел незаметно и быстро. Темнее стали деревья. Плотнее — кусты. Только вершина горы еще светилась вдали розово и нежно. И еще сильнее пахли цветы, свисающие с узловатых, изогнутых веток, похожих на гигантских змей.

— Пора на «Витязь». — Маклай, повернувшись к папуасам, вдруг поклонился им низко и серьезно.

Папуасы как будто поняли его. Юноши еще выше подняли свою ношу и двинулись вперед, показывая дорогу Маклаю. Остальные пошли сзади, переговариваясь и перешептываясь между собой. Кто-то затянул песню. Отрывистые звуки были однообразны и заунывны. Дорога спускалась к морю уступами, и сигнальные огни «Витязя» были видны еще издалека.

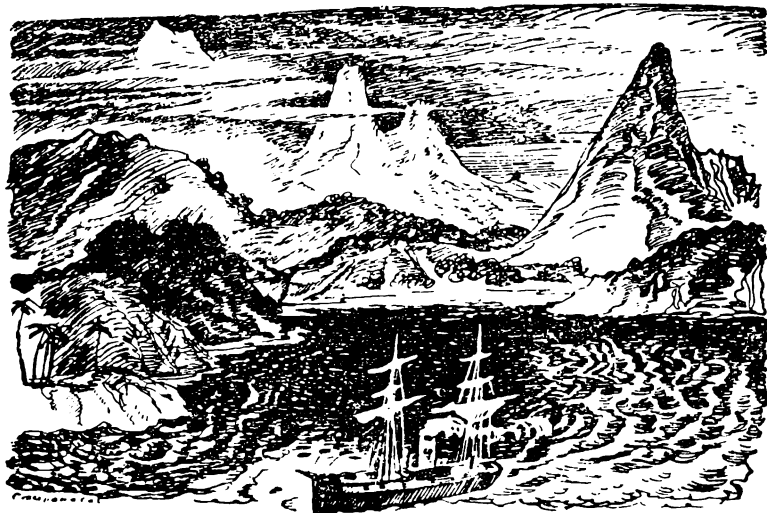
Шлюпка была на месте. Волны с тихим шипением бились о ее корму. Маклай прыгнул в лодку и показал Тую на место возле себя. Туй нерешительно покачал головой. Молчали и остальные папуасы, но когда шлюпка стала удаляться, две легкие пироги поплыли за ней и проводили ее до «Витязя».

ДОМИК НА СВАЯХ

Для своего дома Миклухо-Маклай выбрал место на самом берегу моря. Там росли большие деревья. бежал ручей, цепкие растения обвивали высокие стволы. Место было уединенное и красивое.

Еще с мостика «Витязя» Маклай успел хорошо разглядеть этот гористый и зеленый берег.

Все эти дни, пока «Витязь» стоял в заливе, Николай Николаевич подолгу не отрываясь смотрел в бинокль на кудрявые лесистые горы, коралловые рифы и редкие желтые отмели — пристани пирогов.

Ему нравились светлые долины, разрезавшие темные массивы лесов, синее, как синька, небо, пена прибоя у красных и лиловых камней.

Отсюда, с мостика корвета, он наметил и место для своего жилья.

В тени двух громадных деревьев корабельные плотники вбили высокие сваи.

Легкая хижина, наполовину из дерева, наполовину из брезента, была готова в несколько дней. Крышу сделали из циновок, искусно сплетенных Боем из листьев кокосовой пальмы. У одной стены помещился большой некрашенный стол. Два больших деревянных ящика, поставленных рядом, заменяли кровать.

Ульсон, охая и ахая, суетился возле вещей, сгружаемых с корвета на берег.

Вещей было немного. Главное место среди них занимали инструменты, книги, оружие.

Запасаться провизией, удобной одеждой, уютны-

ми креслами и мягкими постелями у Маклая не было охоты, да не было и денег. Все его сбережения, все, что ему удалось выхлопотать у Географического общества, — все это целиком ушло на инструменты, на жалованье Ульсону и Бою.

Где уж там думать о вкусных консервах и аппетитных банках какао, о ящиках с хрустящим печеньем и плитках шоколада, о запасах платья и удобной обуви!

Да Маклая не слишком заботило это.

Главное у него было: стол для микроскопа, ружье для охоты, сеть для рыбной ловли. А рядом с ним, бок о бок, жил незнакомый и загадочный народ — папуасы.

Хижина была почти готова. Маклай терпеливо выслушивал воркотню Ульсона и старательно прибивал полки для книг и для своих будущих коллекций. Расхрабрившиеся папуасы каждый день приходили смотреть на работу белых людей. Все удивляло их: и блестящие на солнце топоры, и свистящий рубанок, и ящик с гвоздями. Они переговаривались между собой, смеялись, хлопали ладонями о колени и иногда, подхватив оброненный крючок или винт, долго разглядывали незнакомую вещь, покачивая головой.

Вступать в разговоры с белыми они не решались. Только один Туй, первый друг Маклая, храбро подходил к самому дому, трогал Маклая за руку и даже частенько посиживал на ступеньках уже готового крыльца. Однажды он остановил Маклая и придержал его за рукав. Лицо его было взволнованно, брови сдвинуты. Сразу было видно, что ему хочется сказать что-то очень и очень важное.

— Что ты, Туй? — спросил его Маклай.

Туй показал на корвет и потом широко махнул рукой. Маклай понял.

— Уедет,— подтвердил он.— Корабль уедет, а я останусь здесь. В этом доме.

Туй вздохнул, сделал грустное лицо и быстро-быстро заговорил на своем непонятном наречии.

Слова были непонятны, но Туй так выразительно размахивал руками, так подпрыгивал, так крепко закрывал глаза, так живо бросал воображаемое копьё, так сердито рубил голой ладонью свои хижины, что Маклай понял сразу все, что он хотел ему сказать.

Корабль уйдет, говорил Туй, Маклай останется один. Из соседних деревень придут злые люди. Они разрушат хижину, они убьют Маклая копьем. Маклай — хороший человек. Туй не хочет смерти Маклая. Пусть Маклай садится в свою большую лодку и уезжает далеко-далеко. Здесь ему будет плохо.

Маклай посмотрел на море. Корвет готовился к отплытию. Еще несколько часов — и последняя струйка парового дыма скроется вон за тем мысом. Маклай останется один.

Не слишком ли трудную задачу он взял на себя? Не прав ли Туй, предостерегая его? Доведет ли он до конца свою работу? Сумеет ли доказать, что папуасы — такие же люди, как европейцы, что все народы на земле равноценны и нет среди них высших и низших рас? И не лучше ли, пока не поздно, прыгнуть с вещами в шлюпку и вернуться на «Витязь»?

Маклай тряхнул головой и улыбнулся Туу.

— Ничего, дружок! — сказал он ему. — Никто меня не съест, и никто меня не убьет. Все будет хорошо. Очень хорошо. А на добром слове — спасибо.

И он выбрал в ящике самый большой и блестящий гвоздь и подал его Туу.

СТРЕЛА НА ДЕРЕВЕ

Маклай улыбался, но предсказания Туя все-таки встревожили его.

Он взял острый нож и подошел к одному из ближайших деревьев. Дерево было громадное. Высокий гладкий ствол поднимался стремительно и ровно. На мощных ветвях шумели листья. Какая-то любопытная птица звонко кричала на самой верхушке.

Маклай вонзил нож в толстую кору и взрезал ее — длинная стрела острием вниз забелела на темном стволе. Маклай отошел и посмотрел на нее издали. Она была видна ясно и отчетливо. Здесь, под этим деревом, Маклай спрячет свои заметки и дневники, если ему и в самом деле будет грозить опасность. Что бы ни случилось, самое важное — работа, она не должна исчезнуть бесследно.

Письма были написаны. Собраны все вещи. Маклай в последний раз стоял на палубе «Витязя».

— Спасибо, — говорил он, пожимая руку капитану Назимову. — Я вам очень, очень благодарен за вашу помощь. Не забудьте только о моих бумагах. Если меня съедят...

— И съедят! — согласился капитан.

— ...или просто убьют, — невозмутимо продолжал Маклай, — я все же перед этим успею спрятать записки. Передайте их Географическому обществу. Передайте их моей родине, капитан!

— Да вы еще подумайте! — почти закричал капитан, хватая Маклая за пуговицу. — Еще ведь не поздно. Плюньте вы на этих дикарей с их происхождением. И не все ли равно, какой они там расы? Дикари и дикари, и так видно!

Маклай сдвинул брови и тихонько освободил свою пуговицу.

— Мой учитель Чернышевский, — сказал он,

отчеканивая каждое слово, — писал, что между людьми белой и цветной расы нет, по существу, никакого различия. Он писал о том, что все человеческие расы происходят от одного ствола, как ветви одного дерева, как ручьи из одного озера. Он всегда повторял, что люди, которые утверждают иное, делают плохое и нечестное дело. Они говорят, будто люди с белой кожей должны быть господами, люди с цветной кожей — рабами. Белым они отдают всю землю, цветных же толкают к нищете и вымиранию. Доказать, что все люди равны, — стало делом моей жизни. Но нам нужны факты. Мы должны исследовать. Мы должны изучать. Мы должны собрать тысячу доказательств, чтобы разбить наших врагов. И я соберу их здесь, на этом берегу, среди этих папуасов. Я буду учиться их

языку, изучать их обычаи, собирать их сказки, исследовать строение их тела, волос, кожи. Я докажу, что они способны на все, на что способен белый, что нет высших и низших, нет рабов и повелителей...

Так длинно Маклай говорил очень редко. Надо было уж очень рассердить его или задеть за живое, чтобы он сказал такую пространную речь. Но капитан и вправду задел его за живое. Отчего это неглупые люди не понимают таких пустяков? Разве задача Маклая — не большая задача? Разве это нужно доказывать и объяснять?

— Ну хорошо, хорошо! — уговаривал капитан рассердившегося Маклая. — Поезжайте к своим папуасам и успокойтесь. Дело хорошее, спорить не будет. Только все-таки будьте поосторожней. Как личного одолжения прошу, голубчик. Сказки сказками, а человечье мясо ваши папуасы все-таки кушают. Уж как-нибудь постарайтесь не попасться им на обед. Приятного мало!

Маклай засмеялся и потрепал капитана по плечу.

— Обойдется! — уверенно сказал он. — Кто же ест своих друзей? А я к ним еду как друг. Не поймут? Значит, моя вина. А о бумагах все-таки не забудьте. Самое высокое дерево, и стрела на нем. Там и копайте. И... кланяйтесь России.

ПОСЛЕДНИЙ САЛЮТ

— Спустите флаг, — сказал Маклай Ульсону. — «Витязь» уже поднял якорь.

Ульсон подошел к дереву, но остановился, не в силах поднять руки. Его колени дрожали, на глазах блестели слезы.

— Вы, кажется, боитесь? — спросил его Маклай. — Ну так что ж — еще не поздно. «Витязь» еще

здесь. Если хотите, вы можете ехать. Я останусь вдвоем с Боем. Только торопитесь. У вас всего несколько минут.

Ульсон сделал два-три шага и остановился. Решительный голос Маклая успокоил его. Он поднял голову и посмотрел на Николая Николаевича.

Маклай стоял у дерева, на верхушке которого развевался флаг. Лицо его было спокойно, движения уверенны. Руки ловко потянули веревку, и флаг медленно пополз вниз, салютуя уходящему кораблю:

«Прощай, «Витязь»! Прощай!»

Дым белой лентой растянулся над океаном. Корвет делался все меньше и меньше.

Казалось, он таял в голубоватом тумане моря.

Глазам было больно от солнца и ослепительного блеска воды, но Маклай смотрел не мигая на уходящий, тающий вдали корабль.

— Прощай, «Витязь»! — сказал он еще раз тихо и повернул к своему дому.

Ульсон и Бой разбирали вещи.

Набрав гвоздей в рот, Ульсон прибывал над своей постелью портрет жены. На ней было смешное платье с оборками и бантами и высокая шляпа с перьями.

Маклай подошел к своему столу. Листы бумаги уже лежали на нем аккуратной стопочкой. В чернильнице темнели свежие чернила. Карандаши были очищены и остры. Солнце блестело на медной трубке микроскопа. Легкая тень от шевелящихся веток колыхалась на книгах, на свежевывструганных досках стола.

Маклай сел на скамью и открыл тетрадь.

— Вы бы лучше зарядили ружья, — шепнул ему на ухо Ульсон, встревоженно поглядывая в сторону. — Я уверен, что они понадобятся нам еще сегодня ночью. Смотрите, эти черпомазые уже лезут к нам.

Маклай посмотрел на берег. Папуасы плясали у воды. Они размахивали копьями. Движения были воинственны и грозны. Перья колыхались на их головах. Коричневые руки поднимались и опускались в такт, как будто грозили кому-то.

— Это они радуются, что «Витязь» ушел,— продолжал шептать посеревший от страха Ульсон.

Он выронил свой молоток, не окончив работы, и портрет нарядной жены упал на пол.

— Они знают, что мы одни, и вы увидите, что они сделают с нами сегодня же ночью...

— Глупости!—резко прервал его Маклай.—Если вы боитесь, спрячьтесь куда-нибудь, но только не показывайтесь им в таком виде. Они не должны знать, что мы их можем бояться. Мы их не боимся! Понятно?

И, сдвинув брови, Маклай вышел на крыльцо. Папуасы смотрели издали на белого человека и его дом.

Лица их были суровы, движения решительны. «Ты нам не нужен,—говорили их жесты.— Уходи! Уходи от нас, чужой человек. Вот море! Уходи! На нашем берегу тебе нет места!»

От толпы папуасов отделился Туй. На этот раз он уже не улыбался. Твердыми шагами он шел к хижине. Он смело шагнул на ступеньку и протянул руку к двери. Он хотел войти в хижину как хозяин, но Маклай остановил его.

— Нет, Туй!—сказал тихо, но серьезно Маклай.—Туда тебе нельзя. Здесь — табу. Понимаешь — табу! Запрет.

Туй сердито нахмурился и сделал еще шаг вперед. Маклай не шевельнулся. Опершись рукой о притолоку, он стоял в дверях и смотрел в глаза Туя. Потом легкая улыбка пробежала по его лицу.

— Не хмурься, Туй,—весело сказал он.— Сюда нельзя. Здесь — табу,— и, приложив руку ко рту,

показал, что хочет пить.— Принеси мне кокосовых орехов. Я хочу пить. Понимаешь, Туй, много, много хороших кокосовых орехов.

Туй понял. Слова «кокосовые орехи» были сказаны на его языке—за эти дни Маклай успел научиться кое-чему.

Туй посмотрел на бледное лицо Маклая. Брови его раздвинулись. Он задумался.

Но думал Туй недолго. Ему стало жалко голодного и бледного человека. Он снисходительно потрогал его мускулы, снисходительно кивнул головой и, обернувшись, что-то крикнул своим товарищам.

Маклай не понимал его слов. Но улыбка стала шире. Он догадался, о чем крикнул Туй своим товарищам.

— Не бойтесь его! — крикнул Туй.— Он ничего не хочет, кроме кокосовых орехов. Он не будет делать нам зла. Да и руки его куда слабее наших. Поидем и принесем ему то, что он просит.

Вооруженные папуасы внимательно выслушали Туя. Копья их опустились. Они повернулись к Маклаю спиной и медленно вошли в густую заросль кустов. Помедлив минутку, Туй махнул на прощание рукой и пошел за ними.

Маклай обернулся и посмотрел на Ульсона. Крупные капли пота блестели у шведа на лбу. Рука с молотком чуть-чуть дрожала. Гвозди сыпались из разжатой ладони...

— Идите и прибивайте свои карточки, Ульсон.— сказал Маклай.— Все в порядке.

И, насмешливо поклонившись, он поднял с полу упавшие гвозди.

НОЧНАЯ ВАХТА

Первые ночи дежурили в три смены. Самую длинную и утомительную ночную вахту Маклай брал на себя.

Заложив руки за спину, он расхаживал взад и вперед перед домом.

Время от времени он тоненько насвистывал себе под нос, и тогда проснувшаяся на минуту птица отвечала ему беспокойным и отрывистым чиликаньем.

Спать не хотелось — так красиво и необычно было все вокруг. Светилось море. Звезды были спокойны и огромны. От камней и песка поднималось тепло; казалось, что земля дышит во сне.

С крыльца, от мешка с собранными за день морскими водорослями и ракушками, пахло тиной и сыростью.

Шелестел прибой, тихо шуршали листья, цикады стрекотали неуёмно и резко.

Иногда казалось, что кто-то крадется меж кустов мягкими и сильными шагами. Маклай настораживался, но не двигался с места. Он знал, что крупных животных на острове нет, это могли быть только люди. Но это были и не люди — это билось сердце самого Маклая, тяжелыми ударами стучала в висках кровь. Страха не было, но не было и настоящего покоя. Приходили на ум рассказы о вероломстве папуасов, вспоминались закопченные черепа в глубине хижины, предупреждения Туя.

Чтобы успокоиться, Маклай затягивал вполголоса песню. На берегу Новой Гвинеи звучала украинская мелодия. Еще в детстве слышал он ее от отца.

— «Зиро-оньки ясные, зирки прекрасные,— старательно выводил Маклай,— ви-исть принесите з ридного краю...»

Но звезды, которые он просил принести весть о

родине, слушали и молчали. Тогда Маклай присаживался на срубленное дерево и тоже слушал и молчал.

Недовольно ворча, заспанный Ульсон шел к нему на смену. Он долго почесывался и бранился.

— Сколько комаров! — говорил он. — Не помогают никакие сетки! Посмотрите, какие подушки у меня на руках и ногах. Это всё комары.

Он закуривал трубочку и усаживался на дерево рядом с Маклаем. Красноватый огонек светился в темноте. Маклай молчал и думал. Словоохотливый Ульсон не замечал этого.

— Этот Туй — тоже продувная бестия, — говорил он. — Вертится все время здесь то один, то со своими сыновьями. Почему они не работают? У них, верно, нет даже огородов?

— У них есть плантации сахарного тростника, — коротко ответил Маклай. — Женщины работают на этих плантациях.

Ульсон неодобрительно покачал головой:

— Здесь слишком много растет всего на деревьях. Им нужно только протянуть руку и взять. Это нехорошо. Это развивает в человеке лень. Было бы лучше, если бы они копали землю и сажали капусту, как все приличные люди. А скажите, пожалуйста, — продолжал он без всякого перехода, — у нас в Швеции не могли бы расти такие деревья? Мне кажется, это несправедливо, что каким-то цветным дано то, чего нет у настоящих, белых людей. Моей жене тоже было бы приятно есть бананы прямо с дерева!..

Но Маклай уже не слушал Ульсона:

— Спокойной вахты, Ульсон. Я постараюсь заснуть. Завтра чуть свет я пойду побродить. Не беспокойтесь, если вернусь поздно.

— Нет, не очень поздно! — умолял Ульсон. — Пожалуйста, не очень поздно! И не забудьте взять с собой оружие.

Но Маклай только пожал плечами:

— Я беру оружие только на охоту. А к людям я хожу без оружия. Завтра я иду к людям, Ульсон!

И, поглядев еще раз на море и звезды, Маклай поднялся в свое жилище.

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ

Утром Маклай еще раз проверил свое решение.

«Конечно, всякий меня назовет чудачком,— говорил он сам себе, прилаживая дорожный мешок.— Может быть, я и вправду чудак. Папуасы вовсе не обязаны видеть во мне непременно друга. Они могут напасть на меня, и тогда я должен буду защищаться. Значит, револьвер должен быть со мной. Так. Хорошо. А с другой стороны, что я сделаю со своим револьвером против сотни сильных и ловких людей? Перестреляю человек пять или шесть, а потом все равно сдамся. Легче ли мне будет умирать, если я убью этих пятерых? Думаю, что нет!» — Маклай взял в руки револьвер и подбросил его на ладони.

«А главное, опасно то, что я и сам не знаю, как буду вести себя с такой штучкой в кармане. Вдруг мне не понравится что-нибудь в обращении папуасов? Предположим, что я рассержусь и выйду из себя. Кто может ручаться, что я не выстрелю, пускай даже в воздух? Какая же будет у меня потом дружба с папуасами? Никакой, конечно!»

Маклай решительно сунул револьвер в открытый ящик стола. Револьвер остался дома. Вместо него Маклай положил в карман записную книжку и карандаш.

Ульсон и Бой спали. Туман еще цеплялся за ветки деревьев и стлался по земле. Маклай вышел на тропинку и углубился в лес. Ему хотелось пройти в

Горенду, в деревню, в которой он впервые встретил Туя.

Жители Горенду были ближайшими соседями Маклая. Это оттуда доносились по ночам глухие звуки дудок и барабанов — больших, искусно выдолбленных обрубков дерева. Это над Горенду поднимались по утрам высокие столбы дыма. Это оттуда к хижине Маклая приходили каждый день молчаливые и любопытные гости.

Горенду была близко, и Маклаю казалось, что тропинка сама приведет его к ней.

Шагалось легко. Солнце было еще низко. Утренний лес был полон росы, блеска, птичьих голосов. Ноги точно сами перепрыгивали через корни деревьев. Плечи легко раздвигали ветки вьющихся растений.

Резкий крик птиц лори привлек внимание Маклая.

Он поднял голову. Птицы перелетали с ветки на ветку, похожие на пестрые, неожиданно ожившие цветы. Красные, желтые, синие крылья были еще ярче от солнечного блеска, сочившегося меж листьев.

Маклай вдруг остановился. Прямо над его головой, совсем невысоко, вспорхнула птица, не похожая на остальных нарядных своих подруг.

Это была кокки — птица-шалашник, размером и черно-сизым оперением сразу напомнившая Маклаю его землячек — простых русских галок.

Маклай засмеялся.

— Галочка! — позвал он ее. — Галя!

Кокки не испугалась. Черный блестящий глазок зорко глядел на человека. Затем птица лениво взлетела и пересела на соседний куст. Маклай сделал несколько шагов по направлению к ней.

— Ах ты, галочка! — повторил он. — Ах ты, галя!

Птица опять перепорхнула на другое дерево.

Маклай протянул осторожно руку. Птица была близко. Казалось, он может достать ее. Его почему-то умиляли ее простые черные перышки, ее любопытный глазок, наклоненная набок головка.

Ему сразу припомнилось детство в деревне, рыхлый мартовский снег и галки на ветвях прозрачных берез.

Промочив до коленей ноги, он по целым дням бродил тогда по оттаявшим дорогам, пускал кораблики по вздутым мутным ручьям.

Еще тогда, в селе Рождественском, Новгородской губернии, одиннадцатилетним мальчуганом, он твердо решил стать путешественником. Далось это ему нелегко. Отец умер рано, средств не хватало, жизнь была трудной. Но как бы то ни было, а намерение свое он выполнил.

И сейчас перед ним не простая родная галка, а новогвинейская птица кокки, за спиной — океан, под ногами — тропинка в папуасскую деревню Горенду. И вдруг Маклай с удивлением огляделся вокруг себя.

Нет, это вовсе не дорожка в Горенду. Этой лужайки в прошлый раз он не видел. Вот и глубокий обрыв; его не было тоже. Между деревьями мелькают крыши хижин, но это не Горенду. Он пришел к другой деревне.

Мальчик лет четырнадцати выбежал из кустов. Он с изумлением посмотрел на Маклая и вдруг закричал и бросился бежать обратно.

За деревьями завизжали женщины, громко заплакали дети. Кто-то закричал, предупреждая об опасности, и сразу замолчал.

Маклай остановился. Крики сразу оборвались.

Снова стало тихо. Маклай пожал плечами и раздвинул кусты.

КА АРАМ-ТАМО — ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ

Мужчины, вооруженные копьями, стояли не двигаясь. Брови их были насуплены, ноздри раздуты. Под темной кожей дрожали мускулы, руки напряженно сжимали древко оружия. Казалось, еще мгновение — и эти копыа полетят в Маклая.

Маклай огляделся. Да, он попал совсем в чужую деревню. Ни одного знакомого лица, ни одной улыбки, ни одного приветственного жеста. И нигде ни женщин, ни детей. Их всех спрятали от него — от врага, от незнакомца. Он нерешительно шагнул вперед. Две стрелы с легким свистом пронеслись над его головой и ударились об ствол дерева.

Маклай стиснул зубы и сжал кулаки, но лицо его было спокойно, только голова поднялась чуть-чуть выше. «Спокойствие, — говорил он себе. — Посмотрим, что будет дальше. И как хорошо, что я оставил револьвер дома!»

Папуасы подходили к Маклаю всё ближе и ближе. Их было много и с каждой минутой делалось больше.

Толпа окружила Маклая. Старик с лохматой бородой вышел вперед и закричал о чем-то громко и пронзительно. Остальные стояли насупившись и одобрительно покачивали головой. Речь старика, видно, была им по душе. Время от времени старик вытягивал худую, жилистую руку и указывал на лес. И тогда десятки сильных, мускулистых рук вытягивались в том же направлении.

Маклай не шевелился.

Вдруг чье-то копые мелькнуло у самых его глаз. Оно почти коснулось его щеки и таким же ловким движением было отдернуто назад.

Молодой воин насмешливо смотрел на Маклая. Он думал услышать испуганный крик, увидеть искаженное страхом лицо.

Маклай улыбнулся, сделал шаг вперед и, не произнося ни слова, опустился на лежащую рядом с хижиной циновку. На горячей земле лежала легкая, прозрачная тень. Маклай молча расстегнул пояс и, наклонившись к башмакам, стал расшнуровывать их. Один за другим башмаки свалились с усталых ног. Маклай пошевелил натруженными пальцами, примостил свой мешок вместо подушки, зевнул и растянулся во весь рост.

Крикливый старик замолчал на полуслове.

Открыв рот, он с недоумением смотрел на Маклая.

Толпа чуть-чуть отодвинулась и притихла.

«Очень хорошо! — подумал Маклай. — Очень хо-

рошо! Не нападете же вы на безоружного спящего человека. Вы видите, что я не боюсь вас. Не боюсь — значит, я сильнее. Кто же тронет сильного и мирного гостя?»

Устроившись поудобней, Маклай подложил под голову руку, совсем как у себя на постели. Из-под опущенных век он видел, как папуасы взволнованно переговаривались между собой. Задние поднимались на цыпочки, чтобы получше рассмотреть странного человека. Костлявый старик, тряся бородой, показывал попеременно то на небо, то на Маклая. Юноша, только что целившийся копьем в Маклая и чуть-чуть не ранивший его, сейчас сидел на корточках и жадно разглядывал сброшенные башмаки. Острием своего копья он то поднимал, то опускал длинные шнурки с медными наконечниками. Было видно сразу, что они очень нравились ему, но подойти ближе и взять их в руки он не решался.

Маклаю стало смешно. Чтобы не рассмеяться, он отвернулся и посмотрел вверх. Старая знакомая, черно-сизая птица кокки, снова была над его головой.

«Ага, ты опять здесь, галочка,— подумал сквозь наплывающую дремоту Маклай.— Ничего, сестричка, ничего. Мы с тобой и здесь не пропадем. Мы-то новгородские...»

И Маклай закрыл глаза совсем уже спокойно. Папуасы отодвинулись еще дальше. Юноша с сожалением оторвался от шнурков и встал на ноги. Голоса стали тише. Старики, оглядываясь на Маклая, побрели к хижинам. Из входного отверстия выглянула женщина, нерешительно вышла на площадку. Там, под тяжелым камнем, в ямке, вырытой в земле, допекались плоды банана и куски свинины, завернутые в широкие листья. Опустившись на колени, женщина захлопотала над своим обедом. Худая собака ткнулась мордой в ее плечо. Голый ребенок вцепился

в клочкастую шерсть и потащил собаку за собой в хижину.

Возле спящего Маклая сидели теперь только косматый старик и несколько папуасов помоложе. Они жевали бетель и сплевывали в сторону кроваво-красную слюну. Они молчали. И только изредка старик повторял одно и то же слово, показывая глазами на Маклая и хлопая себя по груди, — очевидно, для большей убедительности.

— Каарам-тамо, — говорил старик, — каарам-тамо.

На языке папуасов это значило: «Человек с луны».

Живым и здоровым, только смертельно уставшим возвратился Маклай в свой домик на сваях.

МАКЛАЙ ПРИНИМАЕТ ГОСТЕЙ

Маклай налил большую чашку чаю и молча подал ее Тую.

Туй недоверчиво понюхал чай, сунул в чашку палец, осторожно прикоснулся к ней губами и с отвращением плюнул на землю.

— Горячая вода, — сказал он своему сыну, сидевшему рядом. — Это просто горячая вода. Кокосовые орехи куда вкуснее.

Маклай громко хрустнул сахаром и так же молча протянул кусочек Тую.

— А это камень, — определил Туй, перебросив сахар из одной ладони в другую.

— У человека с луны, верно, очень крепкие зубы, если он так грызет камень, — заметил его сын.

Туй с уваженным посмотрел на Маклая. Теперь уже все папуасы называли Маклая «человеком с луны».

Все в нем удивляло их: и светлый цвет его кожи,

и его привычки, и его необыкновенные вещи, а главное — его бесстрашие.

Туй не раз уже сокрушенно качал головой, глядя на безоружного Маклая. Он даже предлагал подарить ему собственное копье и лук со стрелами, но Маклай отказался и от этого.

— Должно быть, Маклай не может умереть, — говорили папуасы между собой. — Он ходит один, и в его руках нет ни топора, ни лука. Он не боится ни людей из Горенду, ни людей из Гумбу, ни даже людей с Били-Били. А ведь мы говорили ему, что люди с Били-Били непременно убьют его. Когда у человека столько хороших вещей, ему нельзя ходить без копья и громко петь в лесу. Он должен сидеть дома и стеречь свое жилище. Но Маклай не слушает нас и живет так, будто он голый и будто у него нечего отнять. Он не боится людей. Это потому, что он человек с луны, — решили папуасы. — Люди из Гумбу сказали правильно.

ВОДА, КОТОРАЯ СТОИТ, И ВОДА, КОТОРАЯ ГОРИТ

Туй не хотел пить чаю, но сахар выбрасывать пожалел. Он снял с плеча свою сумку, сделанную из коры, — «гун», как называют ее папуасы, — и сунул туда огрызок.

— Покажи мне свой гун, — попросил его Маклай.

Туй отдернул руку и подозрительно посмотрел на Маклая.

— Я ничего у тебя не возьму, — сказал Маклай, — я только посмотрю. А тебе я подарю вот это, хочешь?

И он вытащил из ящика стола маленькое круглое зеркальце.

Туй посмотрел в зеркало и захохотал.

— Это Туй! — закричал он. — Это Туй!

Он наморщил нос — Туй в зеркале тоже наморщил нос. Туй высунул язык — Туй в зеркале тоже высунул язык. Туй поднял руку к подбородку и выщипнул волосок — Туй в зеркале сделал то же.

— Это волшебная вода! — закричал Туй. — Человек с луны сказал воде: «Стой!» — и вода остановилась. Смотрите все: я ее поднимаю, и она не каплет, я ее опрокидываю, и она не льется. Что ты умеешь еще делать с водой, Маклай?

Маклай почесал переносицу.

— Я умею ее зажигать, — сказал он. — Хочешь посмотреть?

— Жечь воду?

— Да, жечь воду!

У Туя перехватило дух.

Он на минуту даже забыл о своем зеркальце.

Перегнувшись через стол, он внимательно следил за каждым движением Маклая.

Маклай налил в стакан воды, отпил от нее сам и дал отпить Тую.

— Вода? — спросил Маклай.

— Вода, — ответил Туй.

Маклай отвернулся и незаметно налил в блюдечко спирт. Затем он высоко поднял блюдечко над головой и поставил с торжественным видом на стол. В стеклянном блюдечке спирт был незаметен.

— Пусто? — спросил Маклай.

— Пусто, — ответил Туй.

Маклай сделался еще торжественней. Он так же высоко поднял стакан с водой, сделал им в воздухе круг и подлил к спирту воды.

— Есть теперь вода? — еще раз спросил Маклай.

— Есть вода, — согласился Туй.

Маклай чиркнул спичкой и поднес ее к блюдечку. Спирт вспыхнул голубым высоким пламенем. Туй

вскрикнул и схватил своего сына за руку. Не отрывая глаз от огня, он медленно пятился с крыльца.

Он дрожал.

Маклай брызнул горящим спиртом на ступеньки. Спирт горел и на ступеньках.

Туй отбежал от крыльца. Обхватив сына за плечи, он крепко прижимал его к себе. Рот Туя был полуоткрыт, брови подняты. Он со свистом втягивал в себя воздух.

— Воду! Маклай жжет воду! — наконец выкрикнул он.

Лицо из коричневого стало серым. Раковины ожерелья подпрыгивали на груди.

Из-за деревьев выскочили папуасы.

— Воду! Маклай жжет воду! — без конца повторял Туй.

Люди смотрели не отрываясь на синеватое пламя. Спирт догорал. Длинный голубоватый язык вытянулся в последний раз и исчез.

Маклай стоял на крыльце и смеялся. Папуасы молчали.

— Всё! — сказал Маклай. — Вода сгорела. Теперь идите и не бойтесь.

Папуасы продолжали молчать. Первым опомнился Туй. Он облегченно вздохнул.

— Ты не сожжешь нам моря? — спросил он и приложил руку к сердцу. — Каарам-тамо, не жги нам моря! Все акулы выйдут тогда на берег, и все крокодилы выйдут тоже. И у нас не будет рыбы, и наши лодки разобьются о камни. Не жги моря, человек с луны!

— Я не буду жечь моря, — ответил торжественно Маклай. — Я не сделаю вам ничего плохого. Я ваш друг. Не бойтесь меня.

И он жестом пригласил папуасов подняться к нему на веранду.

ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ РАКОВИН

Сейчас Туй сам протянул свою сумку Маклаю.

— Смотри,— сказал он.

В сумке и в самом деле была целая куча преинтересных вещей. И каменные ножи, и раковины, и скорлупки молодых кокосовых орехов, и заостренные с одного конца кости, и гвозди, когда-то подаренные Маклаем.

— Что ты делаешь с этим? — спросил Маклай и показал на раковину с острым краем.

— Я ем кокосы.

— А этим?

Туй повертел длинную скорлупку:

— Ем кокосы.

— А этим?

— Этим я разбиваю кокосы. Это очень хороший донган. Я его сделал из кости свиньи. А это шелюпа. Это кость кенгуру.

— А что ты делаешь шелюпой?

— Ем кокосы.

Маклай засмеялся:

— А этим шилом ты тоже ешь кокосы?

«Шилом» была длинная и острая кость.

Туй отрицательно покачал головой.

— Вот,— сказал он и привлек поближе одного из папуасов.— Видишь, какая рана? Плохая рана. Черная рана. В ране мухи. Этим я вынимаю мух. В ране бывают колючки. Тогда я этим вынимаю колючки.

И Туй гордо посмотрел на Маклая.

Но Маклай уже не слушал его. Он внимательно осматривал страшную, гноящуюся рану папуаса. Под коленом была опухоль. Маклай легонько надавил ее. Папуас скрипнул зубами и задрожал.

— Ульсон! — крикнул Маклай.— Дайте мне карболовой воды и биштов.

— Ты хочешь ему сделать новую кожу? — спросил Туй. — Новая кожа — это хорошо. Ауэ!

Маклай промыл рану и перевязал ее марлей.

— У кого еще есть раны? — спросил он.

Один из папуасов подтолкнул вперед своего сына. Мальчик упирался и отворачивался от Маклая. Ноги, искусанные насекомыми и исцарапанные о колючки, сочились гноем и кровью.

Мальчик закатывал глаза и жалобно хныкал.

Маклай потрепал его по голове и сунул ему в рот карамельку, случайно завалившуюся у него в кармане. Желтенькая бумажка с надписью: «Лимонная. Жорж Борман» — слетела с крыльца и, покругившись, села на ветку куста. Мальчик сосал карамельку и следил за полетом бумажки, похожей на бабочку. Он успокоился. Забинтованным ногам сразу стало легче. Мальчик потянул отца за руку и улыбнулся. Отец громко засмеялся. Он положил руку на плечо Маклая и приблизил свое лицо вплотную к его лицу.

— Ауэ! Ауэ! — выкрикивал он. — Человек с луны делает хорошо! Человек с луны — хороший человек.

— Ауэ! Ауэ! — вторили ему и другие папуасы.

Отец мальчика оглянулся вокруг. Потом вдруг решительным жестом он снял с шеи ожерелье и быстро надел его на шею Маклая.

Одобрительный гул прокатился по толпе папуасов.

— Поздравляю, — сказал сзади Ульсон. — Вот теперь и вы вроде папуаса.

Но Маклай не смеялся. Он смотрел в глаза папуаса и чувствовал, что смотрит в глаза друга.

ЛИХОРАДКА

Маклай зажжет лампу. Струйка копоти потянулась вверх над маленьким красным язычком. Стекло шаталось из стороны в сторону и не попадало в гнездо горелки.

Маклай недовольно положил стекло на стол и вытянул руку вперед. Рука дрожала крупной непрерывной дрожью. Маклаю казалось, что она просто прыгает.

— Из-за этой лихорадки скоро ничего нельзя будет делать, — сердито проворчал Маклай. — А ну-ка, без глупостей! — Он снова взял стекло. — Да не дрожи же так! — скомандовал он сам себе. — Стекло должно быть надето, и я его надену.

И стекло, звякнув, стало на место. Огонек сразу сделался ровным и спокойным, и ночь — еще чернее.

Темные деревья как будто придвинулись к хижине.

Они положили свои ветки, как руки, на перила крыльца и заглянули на крохотную веранду.

«Ты все еще не сдаешься? — как будто спросили они. — Ты все еще борешься?»

— Ерунда! — опять пробормотал Маклай. — Лезет всякая ерунда в голову. Кажется, уже с деревьями начинаю разговаривать. Хорошая порция хинина — это будет куда полезней.

Маклай взял лампу и вошел в хижину.

Лицом к стене на постели лежал больной Ульсон. Бой что-то выкрикивал в лихорадочном бреду.

Маклай намочил в ведре тряпку и положил ее на лоб полинезийцу.

— Проклятая страна, проклятая страна! — говорил торопливо Ульсон, приподнимаясь на постели. — Я хочу в Мальме. Отпустите меня в Мальме. Я не хочу больше болеть лихорадкой. Я не хочу смотреть,

как умирает Бой. Бой непременно умрет! Разве вы не видите? Тогда нас останется только двое. И нас тогда непременно съедят паузасы. Я не хочу, чтобы меня съели паузасы.

— Ульсон, возьмите себя в руки, — тихо проговорил Маклай. — Я знаю, что вы больны, но человек должен справляться и с болезнью. Хотите пить?

— Я не хочу этой теплой жижи. Дайте мне холодной воды. Я хочу холодной воды. Имеет же право больной человек выпить настоящей холодной воды!

— Я сейчас принесу из ручья. Смотрите, чтобы Бой не сбросил примочки с головы. Ему очень плохо.

— Он умрет. Я же говорю, что он умрет. И мы тоже все умрем и пойдем к чертам.

— Лежите смирно, Ульсон. Завтра вы проснетесь, и вам самому будет стыдно за ваше малодушие. И не кричите так громко. Рядом с вами тоже больной. Не забывайте этого.

У РУЧЬЯ

Маклай берет ведро и идет к ручью. Он знает, что ручей недалеко, даже с крыльца слышен его шум и плеск, но сегодня путь к ручью кажется Маклаю бесконечным.

Ноги подгибаются сами. Пустое ведро кажется пудовой тяжестью.

Только бы не упасть!

Вода со звоном наполняет опрокинутое ведро. Лейся, вода, лейся!

Маклай садится на камень и переводит дыхание. В ушах шумит от принятой хины, но кажется, что это не в ушах, что это грозно шумит лес, воет море, рычат горы.

«Что ты вздумал здесь делать один, маленький человечек? — говорят они. — Уходи, уходи, пока ты еще жив. Завтра же садись в свою лодку, бери весла, гребни, плыви, выплывай на дорогу кораблей, жди — тебя там подберут, тебя спасут. Тебя надо спасать, маленький человечек, понимаешь ли ты это? Твой Бой умирает, ты это видишь. Что ты будешь делать один, больной, с больным Ульсоном? Папуасы не простят тебе твоей слабости. Они нападут на тебя — пусть не эти, не из Горенду, которые уже привыкли к тебе, — но другие, чужие. Они сожгут твой домишко, перебьют тебе камнями руки и ноги, они свяжут тебя лианой, как связывают своих полосатых свиней, они съедят тебя, маленький человечек... Съедят твое сердце, чтобы стать такими храбрыми, как ты; твой

мозг, чтобы стать такими же мудрыми. На берегу зажгут костер. И все будут плясать и дудеть в дудки и бить в барабаны».

Там-там-там! — вдруг раздается за спиной Маклая.

Он с трудом удерживает полное ведро и оборачивается назад. Он ведь только что думал об этом. Откуда же это красное пламя? Эти песни? Громко стучит барабан — барум.

Факелы из сухих пальмовых листьев пылают ярко. Туй и его друзья папуасы смеются и приветствуют Маклая.

— Здравствуй, Маклай! — кричат они. — Сегодня поволунне. Сегодня праздник! Мы пришли к тебе встречать молодой месяц, Маклай!

Впереди всех двое несут большую свинью. Остальные несут бананы, плетеные корзины с рыбой, плоды таро, куски мяса, завернутые в листья хлебного дерева. В одном из папуасов Маклай узнает отца вылеченного им мальчика, но в толпе еще много незнакомых, чужих.

Папуасы весело скалят зубы и приподнимают свои подарки.

При свете факелов зубы и глаза блестят особенно ярко. На плечах — плащи из грубой ткани, сделанной из луба. В волосах — цветы. Цветы и за поясом, и за браслетами на руках, и за перевязями у коленей.

— Мы пришли к тебе, — говорит Маклаю Туй. — Мы пришли к тебе сегодня не одни. С нами люди из Гумбу, и люди с Били-Били, и люди из Гарагасси. Мы привели их посмотреть на тебя, потому что ты хороший человек, Маклай. Ты не прячешь от нас своих лекарств, ты с нами, как брат, Маклай. Ты дал лекарство Сегалу, и нога стала здоровой и крепкой, как кость кабана. Ты вылечил мальчика, сына Марамая. Мальчик здоров и прыгает, как кенгуру. Мы

пришли сказать тебе, что ты хороший человек. Вставай, мы проводим тебя. Ты хороший человек, Маклай! Жители Горенду никогда не убьют тебя!

Маклаю трудно подняться с камня.

Тяжелое ведро тянет его книзу. Коленигибают сами собой. Ноги дрожат.

Если бы не Туй, Маклай еще посидел бы немного здесь, у ручья. Может быть, он даже вылил бы добрую половину воды обратно. Может быть, он ухватился бы за ветку дерева — так легче вставать; может быть, проворчал бы что-нибудь сквозь зубы — так хочется иногда обругать свои ноги за то, что они не слушаются, свои руки за то, что они не двигаются! Но перед Туем нельзя казаться слабым.

Маклай на минуту закрывает глаза, чтобы побороть головокружение, и встает.

— Спасибо,— говорит он Тую и обнимает его, по папуасскому обычаю прижимаясь левым плечом к его груди.— Спасибо, вы пришли как раз вовремя!

МАШЕНЬКА — МАШ-ША

Папуасы сложили свои подарки у крыльца. Марамай, отец выздоровевшего мальчика, выступил вперед и сказал речь:

— Вот свинья. Это хорошая свинья. Мы принесли ее Маклаю. Он заколет ее копьём. Она будет кричать, а потом умрет. Маклай развяжет ее, опалит волосы, разрежет ее и съест.

Маклай слушал серьезно. Он уже знал, как надо отвечать в таких случаях. Он поставил ногу на бок свиньи и ответил, тщательно подбирая слова (за два месяца он уже почти научился говорить по-папуасски):

— Я буду есть свинью, я буду говорить, что люди

из Горенду — хорошие люди. Будут хорошие люди из Горенду — будет хорош и Маклай. Маклай тоже хочет подарить что-нибудь своим гостям. У Маклая еще есть и маль — красные тряпки, и гану — зеркальце, и гвозди, и табак. Маклай хочет делать только хорошее людям Горенду.

Маклай говорил громко, но и стоять прямо и говорить громко было очень трудно. По спине плыл озноб, кружилась голова, от лихорадки чуть-чуть постукивали зубы. Больше всего Маклаю хотелось сейчас лечь в постель, но гости и не думали уходить.

Музыканты уселись полукругом и заиграли. Били барабаны, большие и маленькие, дудели бамбуковые дудки, гремели погремушки «орлан-ай», сделанные из пустых орехов. Мужчины низкими, хриловатыми голосами пели песню. Маклай с трудом разбираал слова.

Тонкий месяц вышел сегодня на небо —
Это молодой месяц!
Кончились темные ночи, кончились страхи,—
Здравствуй, молодой месяц!
Твой сын живет среди нас, месяц,
Среди нас, молодой месяц.
Мы принесли ему бананов и таро,
Чтобы встретить молодой месяц.
Его хижина стоит крепко.
Загляни в нее, молодой месяц,
Для людей Горенду он брат —
Твой сын, молодой месяц.

Пошатываясь, Маклай побрел в хижину.

Ульсон жадно пил холодную воду прямо из ведра.

— Что-то как будто полегче,— сказал Ульсон.—
А на вас лица нет. Знобит?

— Знобит,— ответил Маклай.

— Ну, так гоните их всех и ложитесь в постель!
Нельзя же убивать себя окончательно.

Маклай не ответил. Из ящичка стола он достал пожницы и кусочек бумаги.

— Опять волосы?

Маклай кивнул головой.

— Только себе-то уж стригите теперь с другой стороны. Левая половина у вас уже вся без волос.

— Хорошо,— устало согласился Маклай и снова вышел к своим гостям.

Песня кончилась. Замолчали барабаны. Только длинная бамбуковая труба все еще гудела на одной и той же непрерывной ноте.

— Туй! — спросил Маклай.— Есть ли здесь люди из Гумбу или люди с Били-Били?

— Здесь есть люди с Били-Били. Вот Дягусли. Он с Били-Били.

— Не даст ли мне человек с Били-Били прядь своих волос, Туй?

— Как я?

— Как ты, Туй.

— Ты хочешь быть его братом?

— Я хочу быть его братом.

— Ты не будешь колдовать над его волосами и жечь их, чтобы он сгорел сам, и бросать их в воду, чтобы его самого взяла вода, и развеять по ветру, чтобы от него не осталось даже следа на земле?

— Я не буду колдовать, Туй.

— Ты дашь ему свои волосы, как ты дал мне, и Бугаю, и Сегалу, и Ляму, и другим людям из Горенду?

— Я дам ему свои волосы!

— Хорошо, я скажу ему, чтобы он не боялся. Люди с Били-Били еще боятся тебя, Маклай.

Туй подвел к Маклаю чуть-чуть упирающегося Дягусли. Папуас недоверчиво смотрел на блестящие ножницы и переминался с ноги на ногу.

— Не бойся! — кричал ему Туй.— У меня Маклай тоже брал волосы, и ты видишь — я жив!

— Он брал и у меня,— отозвался кто-то из толпы.

— И у меня.

— Я не сделаю тебе зла, Дягусли. Я хочу быть твоим братом. Я спрячу твои волосы — ты спрячешь мои. Все будет хорошо, Дягусли. Не так ли?

Дягусли нерешительно кивнул головой. Звякнули ножницы. Прядка черных курчавых волос Дягусли осталась в руке Маклая.

Маклай улыбнулся:

— А теперь я срежу свои. Бери, Дягусли.

Дягусли смотрел на срезанные волосы Маклая и не знал, что с ними делать. Потом, вздохнув, он завернул их в широкий лист таро и сунул в свой гун. Вероятно, волосы на что-нибудь да нужны, если человек с луны выпрашивает их у всех.

Месяц, как легкая лодочка, выплыл уже на самую середину неба. В последний раз ухнули барабаны, трубачи опустили свои трубы.

— Прощай, Маклай,— говорили папуасы,— прощай!

Толпа редела. Маклай стоял на крыльце, провожая гостей. Двое папуасов нерешительно топтались на месте. Они подталкивали друг друга, но каждому было страшно заговорить первому. Наконец решился более молодой.

— Человек с луны,— сказал он,— у меня родилась дочь.

— Дочь? Это очень хорошо — дочь! — сказал Маклай.

— Это совсем нехорошо. Хорошо, когда сын. Тогда бывает праздник. Тогда горят костры и бьют барабаны. Но пускай живет и дочь. Она смешная и маленькая. Она держала меня за палец и смеялась. Я хочу, чтобы она жила.

— Она будет жить,— уверенно ответил Маклай.

— Дай ей имя! Не сердись только, что это девочка. Дай ей имя. Если человек с луны даст ей имя, она будет жить дольше!

Маклай задумался. Прищурившись, он смотрел на высокое ночное небо, на крупные звезды. Как давно уже он не видел над собой Большой Медведицы! Как давно не слышал он перепелиного голоса в поле! Не дышал запахом березового листа и тополевых почек! Родина! Как это далеко!

— Назови свою дочь Марней,— вдруг сказал он ожидавшему папуасу.— Маша — это такое хорошее имя! Маша! Машенька!

— Маш-ша,— старательно повторил папуас.— Маш-ша!

И он протянул Маклаю свою левую руку.

НОЧЬЮ

Бой умер. Ночью Ульсон и Маклай вывезли его труп на лодке в море. Они зашили его в мешок, привязали большой камень и спустили его, по морскому обычаю, в воду. Возвращаться было грустно. Говорить не хотелось. Оба шли медленно и молчали.

Хижина показалась им сразу слишком просторной и пустой. Под руки все время подвертывались вещи Боя. Вот его губная гармошка. Он часто играл на ней папуасам. Вот его пояс. Вот его куртка, вот сундучок с пестрой картинкой, приклеенной на крышке.

Ульсон смотрел на Маклая и посапывал носом.

— Вот и первый,— сказал он вздыхая.— Потом умрете вы, потом я. Только вы умрете, наверно, раньше: вы же совсем не следите за собой. Когда люди больны, они лежат в постели и берегут силы. А вы работаете и больной. Подумали бы хоть обо мне, если не хотите думать о себе. Что я здесь буду делать один? Да я просто с ума сойду.

— Вы много говорите, Ульсон,— ответил Маклай.— Идите спать.

И он уселся к столу, к раскрытой толстой тетради. Дневник свой Маклай вел аккуратно.

Что бы с ним ни случилось, работа должна быть доведена до конца. Все должно быть готово и приведено в порядок. Если Ульсон прав, если лихорадка окажется сильнее Маклая, он все же найдет достаточно сил, чтобы закопать свои бумаги в условленном месте. И тогда весь мир узнает, что гибель его была не напрасной, что он сделал свое дело, большое и важное дело!

Маклай выдвигает ящик. Там в образцовом порядке лежат десятки крошечных пакетиков, перевязанных ниткой. На каждом из пакетиков, надпись: «Туй — 45 лет», «Дягусли — 38 лет», «Лялу — 18 лет», «Сегал — 23 года».

Это всё срезанные волосы папуасов, которые он уже столько раз рассматривал под микроскопом.

Нет! Противники его говорили неправду. Это самые обыкновенные человеческие волосы. Они ни капли не похожи на звериную шерсть!

Чего только не выдумают люди, чтобы доказать, что у цветных даже кожа, даже волосы устроены иначе, чем у белых! Да, Маклай не напрасно живет здесь, на этом берегу. Он привезет им такие доказательства, такие факты, что они уж больше не посмеют спорить с ним... Но... привезет ли?

Маклай встает из-за стола и начинает шагать. Четыре шага вперед... четыре назад, еще четыре вперед, еще четыре назад.

— Да ляжете ли вы когда-нибудь спать? — ворчит Ульсон. — Ночью надо спать даже в этой проклятой стране.

— Я лягу. Я сейчас лягу, — послушно отвечает Маклай.

Он поправляет на окне сетку от комаров, откидывает на постели легкое одеяло.

Надо спать. Но сон почему-то не идет к Маклаю. Ему вспоминается Бой. Тяжелый мешок с подвязанным камнем. Громкий всплеск. И снова у бортов лодки черная, почти неподвижная вода...

А хорошо все-таки было бы иметь рядом с собой друга, вместе работать, вместе думать, вместе отдыхать.

Или хотя бы (и почему до этого еще не додумались люди?) вот так ночью услышать родную песню, знакомый голос... Вот так просто, в темноте... Над самой головой... Чтобы кто-нибудь вдруг улыбнулся и сказал: «Терпение, Маклай, терпение! Мы с тобой! Мы тебя верим! Мы тебя ждем!»

Но никто ничего не говорит в темноте, над головой Маклая. За тонкими стенами хижины шуршит, шелестит, звенит тропический лес. В углу похрапывает Ульсон. Нестерпимо тонко жужжит надоедливый комар.

Родина! Как это далеко!

БОЛЕЗНЬ ТУЯ

— Вставайте, вставайте!

Ульсон трясет за плечо заспавшегося Маклая.

— Вставайте! С Туем несчастье! Его придавило деревом. За вами пришли из Горенду.

Маклай быстро натягивает одежду и выбегает на веранду. Его ждет Лялу. Лялу испуган. От волнения он почти не может говорить. Он тяжело дышит. Видно, что весь путь от Горенду до хижины он пробежал не останавливаясь.

— Что случилось? — спрашивает Маклай.

— Дерево! Туй рубил дерево. Дерево убило Туя. Теперь Туй будет умирать. Теперь Туй...

Но Маклай больше не слушает Лялу. Он быстро

собирает ножницы, бинты, карболовую воду и сбегает с крыльца. Лялу шагает за ним, бормоча на ходу какие-то жалобные слова.

Возле Туя собралась целая толпа. Папуасы расступаются и дают дорогу Маклаю.

Маклай бережно осматривает рану Туя. Опасно, но не смертельно. Только бы не было заражения крови. Маклай тщательно промывает рану, обрезает рваные края кожи, бинтует. Туй морщится, но терпит.

— Так, Маклай, так,— говорит он сквозь зубы.— Хорошо, Маклай, хорошо!

— Не пускайте его на солнце,— говорит Маклай Лялу.— Когда человек болен, солнце его убивает. Я сам буду лечить его.

Туй засыпает. Его сын, семилетний Лялай, садится возле него и отгоняет зеленой веткой мух с лица Туя. Губы у Лялая оттопырены, нос наморщен. Он очень серьезен и боится пропустить хоть одну муху. Иногда он нечаянно хлопает веткой по руке Туя и тогда пугается и вздрагивает всем телом.

Маклай смеется и треплет его по голове. Сзади кто-то трогает Маклая за плечо. Это вчерашний гость — отец Маши.

— Человек с луны,— говорит он тихо,— зайди в мой дом. Я покажу тебе девочку, если только тебе не противно смотреть на девочек.

— Пойдем,— говорит Маклай.

Нагибаясь, он пролезает вслед за папуасом в темную хижину.

На помосте, на ворохе листьев и травы, лежит ребенок. Он спокойно смотрит вверх, туда, где в крыше между раздвинувшимися ветками пробивается тоненький солнечный лучик. На шоколадных ручках девочки уже надеты травяные браслеты, на шейке — пустой орешек.

— Маш-ша,— с трудом повторяет папуас трудное для него слово,— Маш-ша-а.

— Машенька, крестница! — смеется Маклай и щекочет девочку под подбородком.

Девочка спокойно переводит глаза с крыши на Маклая и чихает.

— Хорошая девочка! — говорит Маклай.

Лицо молодого папуаса сияет. Ему стыдно, что он радуется такой чепухе,— кто же принимает всерьез девчонок? Но это его первый ребенок, и улыбка невольно раздвигает его толстые губы.

— Она смешная, как лягушка,— извиняющимся тоном говорит он.— Я думаю, пусть она живет. А?

— Пусть живет,— соглашается Маклай.

ВОЙНА

Идут дожди, и это совсем не весело. Как раз над головой Маклая в крыше хижины небольшая течь.

Дождь льет непрерывной струей на подушку Маклая, брызжет на бумаги и книги. Ульсон с проклятьем подставляет плошки и чашки, но через несколько минут они уже полны, и вода растекается по полу, заливая праздничные башмаки Ульсона и корзину с бельем. Время от времени грохочет гром. Тогда кажется, что на хижину валятся горы, и Ульсон замирает неподвижно, хватаясь обеими руками за голову.

Маклай нетерпеливо смотрит на небо и сердится. Он уговорился с несколькими жителями Бонгу идти в Теньгум-Мана, в горную деревню, в которой еще не был, — он, за эти месяцы исходивший уже чуть ли не весь восточный берег.

Но в такую погоду идти невысказанно. Что же делать?

Маклай в десятый раз пересматривает свои коллекции, собранные им за эти долгие месяцы...

Вот скелет маба, или кускуса, — маленького животного, живущего на деревьях. Вот чучело черного какаду. Вот череп крокодила. И здесь же рядом — предметы домашнего обихода папуасов: глиняный горшок, деревянное блюдо — табир, буль-ра — ожерелье из клыков свиньи, и даже тельрун — мешок, в котором папуаски носят за спиной своих детей.

За стеной хижины становится тише.

Маклай задвигает ящик с коллекциями под стол и выходит на веранду.

Дождь начинает стихать. Маленький клочок голубого неба вдруг загорается ослепительным блеском. Еще мгновение, и это уже не клочок — это уже все небо сияет над мокрыми деревьями, затопленной травой, блестящими камнями.

— Положите в мой мешок одеяло и подушку,— говорит Маклай Ульсону.— Я, может быть, задержусь в горах на несколько дней.

Ульсон ворчит и нехотя исполняет приказание.

Сколько времени прошло уже с тех пор, как он высадился вместе с Маклаем на этот берег, но он до сих пор еще боится папуасов и терпеть не может оставаться без Маклая, особенно ночью.

Но Маклай не слушает ворчания. Он чистит и заряжает ружье — говорят, в горах хорошая охота, а им пора уже пополнить свои запасы: они давно сидят на бананах и плодах таро. Принести кабана или хотя бы «тиболя», как называют папуасы кенгуру, было бы совсем неплохо.

И вдруг Маклай растерянно опускает свое ружье. С берега, легко перепрыгивая через корни и камни, не бегут, а несутся туземцы. Держа над головой лук и стрелы, с каменным топором, висящим на плече, они мчатся мимо хижины, очевидно направляясь к тропинке в Горенду.

Поравнявшись с Маклаем, передний чуть-чуть замедляет свой бег. Он ударяет себя в грудь и кричит, потрясая оружием:

— Война! Война! Марагум идет в Горенду!

Расспрашивать нет времени. Маклай отшвыривает ногой приготовленный Ульсоном мешок, хватает ружье и бросается вслед за папуасом.

Что там случилось с его друзьями? Может быть, им нужна его помощь?

ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ!

Еще не добежав до первых хижин, Маклай услышал тревожные удары барабана и крики женщин. Папуасы торопливо выносили из своих хижин луки,

топоры, копья. Мужчины громко разговаривали, размахивая руками. Туй стоял среди толпы. Повязка, которую он еще не снимал после болезни, сбилась на сторону. Руки были сжаты в кулаки.

— Туй! Туй! — крикнул он и бросился навстречу Маклаю.

Маклай удивленно остановился. Что это с Туем? Разве он забыл его имя? Почему он так странно называет его?

— Туй! Туй! — закричали и другие папуасы и тоже бросились к Маклаю.— Туй!

— Люди из Марагума — плохие люди!

— Люди из Марагума напали сегодня на наших женщин. Мы пойдем и сожжем их хижины!

— Мы убьем их мужчин!

— И ты тоже пойдешь с нами, Туй!

— Но почему же я Туй? — спросил Маклай.

Папуасы удивленно посмотрели на него, потом друг на друга и... вдруг захохотали, хотя им сейчас как будто было не до смеха.

— Ты — Туй... — уверенно ответили они ему.— Туй лежал больной, и мы уже сшивали пальмовые листья, чтобы сделать ему гроб. Туй лежал больной, и мы уже готовили тельрун — мешок, чтобы покрыть его. Туй лежал больной, и мы уже собирали орехи, чтобы положить ему в гроб, мы уже выкрасили ему новый пояс, чтобы одеть его мертвого, мы уже обтесали шесты, чтобы нести его, а ты пришел сюда, ты давал ему свое лекарство, ты сидел возле него от солнца и до солнца, ты клал ему руку на лоб, и вот он стоит и смеется! И рука его сильна, как прежде! И глаз его зорок, как прежде! Брат ли ты ему теперь? Ты ему больше чем брат! Ты теперь Туй! А он Маклай! Его жизнь теперь — твоя жизнь!

Маклай слушал молча. А потом поднял голову и спросил тихо, спросил у всех:

— Значит, Маклай — брат ваш?
— Маклай — брат наш! — хором ответили папуасы.

— Тогда Маклай говорит: довольно! Войны не будет!

— Войны не будет?

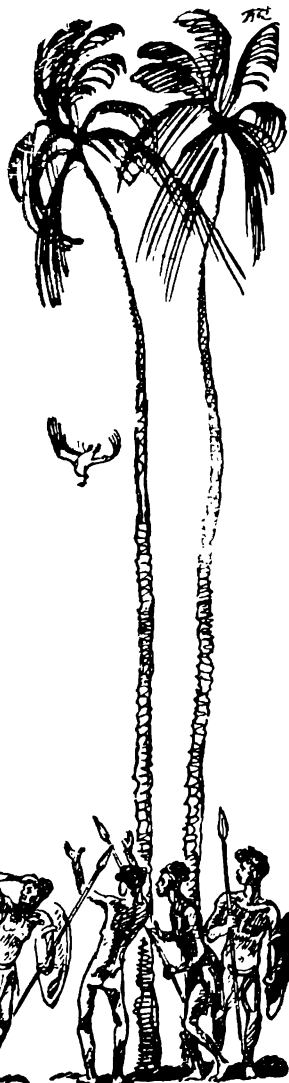
— Войны не будет! — твердо повторил Маклай.

Недовольный ропот прокатился по толпе. В задних рядах кто-то выкрикнул угрожающе: «Будет!» Кто-то стукнул о землю древком копья. Кто-то насмешливо ухмыльнулся.

— Война будет! — упрямо повторил Туй. — Мы сожжем их хижины.

— Мы вырубим их хлебные деревья. Мы убьем их детей...

— А они убьют ваших, —

перебил его Маклай и быстро обернулся к молодому папуасу, стоявшему впереди всех: — А они убьют твою Машу. Ты хочешь, чтобы они убили твою Машу?

— Они испугали наших женщин! — так же упрямо продолжал Туй. — Они взяли кусочек мяса, который женщины не успели доесть. Они будут колдовать над ним, и все жители Горенду тогда умрут от их колдовства. Война будет!

— Война будет! — загудели опять папуасы.

И только молодой отец Маши почему-то молчал и смотрел на Маклая. Маклай снял с плеча ружье.

— Смотрите! — сказал он. — Видите птицу? Сейчас я пошлю в нее огонь, и она упадет мертвая!

И Маклай выстрелил. Распластав крылья, птица упала на землю. Среди взъерошенных перьев крупными каплями выступила кровь.

Папуасы бросились к птице. Они искали стрелу, убившую ее. Стрелы не было. Испуганные, они смотрели на ружье Маклая, которое они видели сейчас в первый раз. Некоторые затыкали уши, чтобы не слышать больше страшного грома.

— Если люди из Марагума придут в Горенду, — продолжал Маклай, — я брошу и в них гром и огонь, и они убегут и не тронут ваших женщин и детей. Но если люди из Горенду сами пойдут воевать с Марагумом, тогда будет большое несчастье. Я, Маклай, говорю вам это.

Растерянный Туй смотрел на Маклая и тяжело дышал.

— Какое несчастье? — наконец выговорил он.

— Я не скажу какое, я говорю только: большое несчастье.

— Скажи нам какое, Маклай!

— Вы увидите сами, если начнете войну.

— Может быть, будет землетрясение? Тангрин?

— Я не говорю, что это будет тангрин.

— Ты сказал: «большое несчастье». Тангрин — большое несчастье. Скажи, может быть, это будет тангрин?

— Может быть, — коротко ответил Маклай.

— Маклай говорит — это будет тангрин, — сказал Туй, обращаясь к папуасам. — Что страшнее тангрина?

— Мы не знаем ничего страшнее тангрина.

Туй нерешительно переступил с ноги на ногу. Он смотрел исподлобья то на папуасов, то на Маклая и как будто не решался говорить дальше. Молчали и папуасы.

Маклай вскинул ружье на плечо.

— Я иду к себе, — сказал он. — Но я хочу слышать ваше слово. Я сказал: войны не будет. Пусть теперь люди из Горенду скажут свое слово.

Папуасы продолжали молчать. Выждав две-три минуты, Маклай повернулся и сделал несколько шагов. Чья-то рука остановила его.

Маклай повернул голову. Молодой папуас, отец Маши, смотрел на него.

— Войны не будет, — запинаясь, проговорил он и боязливо посмотрел на остальных.

Но Туй тоже кивнул головой:

— Войны не будет.

— Войны не будет! — уже совсем уверенно пронеслось в толпе папуасов. — Маклай знает, что говорит. Маклай — брат папуасов. Маклай не хочет несчастья людям из Горенду. Войны не будет.

РАЗГОВОР С УЛЬСОНОМ

Войны так и не было. Ульсону снова пришлось собирать мешок Маклая и, как только кончились дожди, провожать его в долгие путешествия: то на

островок Тпару, то в горы, в деревню Теньгум-Мана, то еще выше — в Енглам-Мана. Маклай не бывал дома по нескольку дней, потом возвращался усталый в промокших и изодранных башмаках, с исцарапанными руками, иногда в приступе лихорадки, но всегда бодрый, с сумкой и карманами, полными всяких сокровищ. Тут были и крохотные стрелы, с которыми папуасы охотятся на громадных, полуметровых, бабочек, и шкурки ящерицы легуана, и нарядные катазаны — гребни с перьями, и мунки-ай — дудки из кокосовой скорлупы.

Иногда он приносил пару птиц, убитых им на охоте. Птицам Ульсон радовался гораздо больше, чем другим диковинкам. Он сейчас же принимался ощипывать их, мечтая вслух о всевозможных соусах и паштетах, которые можно было бы приготовить из дичи.

— Немножко мучицы, — приговаривал он, — и я вам испеку замечательнейший пирог.

— Муки нет уже давным-давно, — кротко отвечал ему Маклай.

— Ну, тогда немного риса. Из этого какаду я сварю такой суп, какой варят только у нас в Швеции...

— Вы же знаете сами, Ульсон, что риса у нас нет больше месяца.

— Ну, тогда хоть щепотку соли, — воскликнул уже в совершеннейшем отчаянии Ульсон. — Как я буду жарить этого паршивого попугая без соли!

— Сейчас конец октября, — сухо отвечал Маклай. — Мы живем здесь больше года. наших припасов хватило всего на два-три месяца. Вы сами это великолепно знаете, Ульсон, и каждый раз вы просите у меня то муки, то сахару, то масла, то соли. Как вы думаете, Ульсон, уж не прячу ли я это все у себя под подушкой и не закусываю ли я этим, когда вы спите?

— Я был бы идиот, если бы так думал! Разве я не вижу, чем вы питаетесь? Разве вы не ели вчера сырого краба? Вы — ученый человек, знаменитый путешественник, и... сырой краб! Фу!

— Почему же мне не есть сырых крабов, если их едят папуасы?

— Папуасы!..

И Ульсон сделал такую гримасу, будто ему дали понюхать что-то очень и очень противное.

— Ульсон! Если вы не хотите со мной ссориться, — твердо говорит Маклай, — бросьте эти ужимки и гримасы, когда вы говорите о папуасах. Папуасы ничем не хуже нас. Они меньше знают, это так. Но этого еще очень мало, чтобы вы морщили нос и кривили губы. Вот вы прожили здесь столько времени, а знаете ли вы, как живут папуасы?

— Очень мне надо! — упрямится Ульсон. — Довольно и того, что я вижу каждый день этих красавчиков.

— Красавчики они или не красавчики, совершенно неважно. Важно то, что они живут лучше нас. У них нет жрецов, которые их обманывают, богатых, которые их притесняют. Все, что у них есть, они делят между собой. Они справедливы и добры!

— Добры! Папуасы! Людоеды!

Возмущенный Ульсон с таким ожесточением кидается на бедного полуоципанного какаду, как будто перед ним уже не какаду, а самый свирепый и кроважадный людоед.

— За весь этот год я не видел ни одного случая людоедства, — так же твердо заявляет Маклай. — Может быть, оно и бывает во время войн, не спорю, но эти случаи становятся все реже и реже...

— Да, кстати, — заявляет с самым невинным видом Ульсон. — Помните, Туй взял у нас топор? Он обещал, что вернет его на другой же день, и вот...

Маклай нагибается к ящикам и вытаскивает из-за них топор.

— Этот? — спрашивает он и пристально смотрит на Ульсона.

У Ульсона сначала краснеет шея, потом уши и наконец все лицо, до самого лба — до самых светлых его волос.

— Ах, в самом деле! — удивляется он. — И как это я забыл?

— Вы ничего не забыли, — холодно говорит Маклай. — Вы просто хотели сказать плохо о Туе. Вы настоящий европеец, Ульсон. Цветные для вас или рабы, или врожденные преступники.

— Очень мне нужны ваши цветные, — бормочет Ульсон и принимается ошипывать какаду.

Он делает вид, что ему сейчас совсем не до Туя и не до возвращенного им топора.

Он стоит несколько секунд молча и потом спрашивает Маклая очень вежливо и скромно — как должен, по его мнению, спрашивать своего хозяина хорошо воспитанный европейский слуга:

— Так как же прикажете подать эту дичь — в жареном или вареном виде?

— Я приказываю вам оставить меня в покое! — отвечает взбешенный Маклай и поворачивается к нему спиной.

НА ОХОТУ!

Маклай рассматривает свои башмаки и тихо на-свистывает под нос.

Печально! Каблуки сбились совершенно, на подошве здоровенная дырка, из носков вылезают пальцы. А это последняя пара!

Но еще досадней, что кончается хинин. Вот без хинина будет действительно плохо. Бороться с лихо-

радкой с каждым днем становится все труднее и труднее. Уже и теперь Маклай чувствует, как слабеют его силы: трудно подниматься в гору, трудно быстро двигаться, трудно даже нести за плечами нагруженную сумку. Все чаще и чаще приходят минуты, когда хочется лежать не двигаясь, не разговаривая, вот так, как по целым дням лежит теперь Ульсон.

Нужна большая воля, чтобы победить это желание. И Маклай побеждает его.

По ступенькам крыльца топают босые ноги.

— Маклай! — слышен голос Туя. — Завтра в Гарагасси будут жечь унан. Бери табу. Огонь погонит свиней. Ты будешь убивать свиней своим табу.

Маклай быстро всовывает ноги в стоптанные башмаки.

«Что это такое «унан»? — спрашивает он. — Ах, это трава в человеческий рост. Папуасы зажигают траву — огонь пугает животных, и охотники убивают зверей. А «табу» — мое ружье! Они просят, чтобы я помог им в охоте! Надо помочь!»

Башмаки зашнурованы. Маклай отворяет дверь и выходит на веранду.

Туй стоит перед ним, торжественный и нарядный. За ним жмутся его сыновья.

Он протягивает Маклаю, как всегда, левую руку и потом обнимает его за плечи.

— Пойдем с нами, Маклай, — говорит он. — Наши женщины и дети хотят мяса. Помогите нам убить тиболя. Помогите нам убить дикую свинью.

— Хорошо, — просто отвечает Маклай. — Я пойду с тобой, Туй.

Из хижины слышны проклятия Ульсона:

— Я умру один! Вы опять уходите в горы?

Маклай терпеливо поправляет подушку Ульсона. На опрокинутый ящик, служащий ночным столиком,

он ставит стакан крепкого чая, кладет несколько бананов, несколько плодов таро и порошок хинина.

— Вам уже лучше, Ульсон, приступ кончается. Я принесу вам мяса. Это подкрепит вас.

— Мясо — это хорошо, — соглашается Ульсон. — С удовольствием съем котлетку... Идите, но возвращайтесь скорей!

Туй идет впереди быстрыми и легкими шагами. Маклай ста-

рается не отставать, но звон в ушах и легкое головокружение мешают ему. Он наклоняется к ручью, черпает холодную воду, смачивает виски и темя. Так будет легче.

Держась за траву и цепляясь за кусты, Маклай, Туй, Бонем и Лялай спускаются по крутому склону вниз. Издали доносится мощный шум реки.

— Большая вода... — говорит Туй и ведет Маклая между папоротниками и тростниками. — Мы перейдем здесь, — снова говорит Туй и протягивает свое копьё Маклаю.

Переходить трудно. Вода сбивает с ног; ударяясь о камни, она обдаёт дождем брызг лицо и плечи, слепит глаза мелкой водяной пылью.

— Держись крепче! — кричит Туй.

Голос его теряется в шуме реки. Но Маклай знает и сам, что держаться надо крепко.

Еще усилие, и они на берегу. Новый подъем. Хватаясь за корни, Маклай и Туй лезут на крутой холм. На вершине опять трава, унан, опять жара от палящего солнца. И снова подъем. И долгий, долгий путь...

— Сейчас будет Теньгум-Мана, — говорит Туй. — Если хочешь, отдохни. Вот саговая пальма. За пальмой — сахарные тростники. Там работают женщины. Иди смело, на всем берегу больше не бояться Маклая.

Маклай опускается на землю под саговой пальмой и переводит дух. Ружье оттянуло ему плечо, он снимает его и кладет рядом с собой. Из чащи сахарных тростников показываются женщины. У некоторых за спиной дети. Из тельрунов выглядывают маленькие курчавые головы. Дети с любопытством смотрят на белого человека и морщат широкие носы. Не заплакать ли? Но плакать, очевидно, не стоит. Белый человек и не смотрит на них, а матери, как видно, совсем не бояться его.

Женщины подходят к Маклаю ближе.

— Давай мы понесем твой гун, — предлагает одна.

— И твою палку, — говорит другая и протягивает руку к ружью.

— Не трогай! — кричит Туй. — Это табу! Здесь спрятан огонь.

Женщина с испугом отступает назад.

— Это Маклай? — спрашивает она.

— Это Маклай! — гордо говорит Туй. — Он будет сегодня спать у вас в деревне. Есть ли у вас хорошая еда для Маклая?

Женщина утвердительно кивает головой.

— Мужчины вчера поймали кускуса, — говорит она. — Он еще живой. Мы разведем огонь и зажарим его для Маклая.

— Хорошо! — одобрительно говорит Туй.

Маклай поднимается с земли и снова вскидывает на плечо ружье. Его дорожной сумкой уже овладели женщины. Они идут впереди, показывая ему дорогу к хижинам. Маклай входит в деревню.

Деревня очень похожа на Горенду, только хижины немного пониже да с круглой площадки в просвете между деревьями видно не море, а голубые уступы горы Енглам-Мана.

На веревках, растянутых между деревьями, висят пустые корзины. В корзинах жители соседних деревень приносили свои подарки обитателям Теньгум-Мана. Маклай уже знает этот обычай: приходиться в чужую деревню с руками, полными подарков, — в благодарность за гостеприимство и выражение дружбы.

Маклая окружают мужчины, женщины и дети.

— Покажите мне живого кукуса, — просит он.

Кукус находится в хижине у Вангума и висит там у потолка, привязанный крепко за хвост. Это серенький маленький зверек на коротких и слабых ногах.

— Где вы поймали его? — спрашивает Маклай.

— Вчера на дереве. Он держался хвостом за ветку и качался. Вангум выстрелил в него из лука, но стрела сломалась, и он остался живой. Сегодня мы зажарим его для тебя, Маклай.

Маклай проводит пальцем по хвосту кукуса. Хвост цепкий, голый и покрыт роговыми бородавками. После еды Маклая ведут в буамрамру. Это папуасский клуб, большая хижина для мужчин. Когда в Теньгум-Мана приходят гости, они спят здесь на широких помостах из бамбука.

В буамрамре сидят папуасы. Они курят сигары, свернутые из широких листьев табака, и слушают Туя. При входе Маклая они оборачиваются и с любопытством смотрят на него.

— Вот и Маклай,— говорит Туй.— Пусть люди из Теньгум-Мана сами спросят его об этом. Скажи этим людям, Маклай, можешь ли ты умереть или нет.

Маклай не отвечает. Он стоит неподвижно посреди буамрамры и думает. Что ответить этим людям? Что?

— Вангум говорит, что тебя можно убить, как меня, как Бонема, как Саула. Он говорит, что у тебя такая же кровь и такое же сердце, как у нас. Разве это правда, Маклай?

Маклай протягивает руку и берет копьё.

— Возьми,— говорит он Вангуму.— Возьми и ударь. Ты увидишь все сам.

Вангум смотрит в глаза Маклаю. Он хмурит брови и чуть-чуть приподнимает копьё.

И вдруг далеко бросает его в сторону, закрывает ладонью глаза и левой рукой хватает руку Маклая.

— Нет, нет! — кричит он.— Я теперь знаю! Ты не можешь умереть! Ты человек с луны.

Маклай смеется и подходит к помосту.

— Я хочу спать,— говорит он.— Давайте спать.

Длинный переход дает себя знать. Как хорошо растянуться вот так, во весь рост, закрыть глаза и ни о чем не думать! И сон, как добрый мохнатый зверь, кладет свою лапу на его веки.

УНАН-ТРАВА

Утром Маклая провожали все жители Теньгум-Мана. Солнце поднялось высоко, но в лесу, куда вошли охотники, было темно и прохладно.

Перешли невысокий гребень холмов, снова перебрались через реку и опять углубились в лес. Тропинка вела все выше и выше и оборвалась около самой опушки.

На опушке Маклая уже ждали. Папуасы в полном боевом уборе, с туго натянутыми луками и множеством острых стрел тихо переговаривались между собой. У каждого было по два копья; на головах, кроме перьев, краснели крупные цветы.

— Горит! Уже горит! — крикнул кто-то из них.

Маклай вышел из лесу. У самой земли, в сотне шагов от себя, он увидел полосу огня. Эта полоса двигалась. Она удалялась. За ней на земле оставались груды пепла. Пожар только начинался, но дым стоял уже высокий и густой. По временам пламя большими языками вспыхивало среди клубов бурого дыма. Охотники медленно двигались за убегающей полосой огня. Черная, обугленная поляна делалась все шире и шире. Туй шел рядом с Маклаем. Он тщательно всматривался в каждое возвышение, в каждую точку.

— Буль-буль! — крикнул он наконец.

— Буль-буль! Свинья!

Большая дикая свинья с оскаленными клыками бежала прямо на охотников. Вырвавшись из полосы огня, она мчалась разъяренная и испуганная.

Охотники с копьями наперевес бросились на нее.

Свинья, ослепленная огнем, уже даже не ревела, что-то клокотало у нее в горле. Глаза были красны, точно налиты кровью. Вангум перерезал ей дорогу, но она и не подумала сворачивать. Сильным ударом копыт она сшибла охотника с ног, рванула клыками его тело и ринулась вперед. Она была так свирепа, что охотники невольно отступили.

Маклай прицелился и выстрелил.

Свинья пошатнулась, но не упала. Она хрипела, показывая огромные клыки. Собрав последние силы, она бросилась на Маклая, стоявшего впереди всех. Маклай выстрелил еще раз. Громадное тело рухнуло на землю.

— Умерла! Умерла! Конец буль-буль! — закричал Туй, приплясывая на месте. — Это табу Маклая убило буль-буль!

Но Маклай уже стоял на коленях возле раненого Вангума. Разорвав рукав своей рубахи, он туго перетянул лоскутом полотна окровавленную руку.

— Отнесите его осторожно, — распорядился Маклай. — Если он будет двигаться, то изойдет кровью.

Вангум открыл глаза и посмотрел на Маклая.

— Где свинья? — спросил он.

— Маклай убил свинью. Теперь это свинья Маклая! — закричали со всех сторон папуасы.

— Это твоя свинья, Маклай. Мы сами отнесем ее к тебе, в твой дом.

Маклай сделал отрицательный жест:

— Это свинья для женщин и детей из Горенду. Я убил ее для них. Пусть они будут веселы и сыты.

Туй засмеялся и закивал головой:

— Мы не возьмем всей свиньи. Мы дадим тебе самый лучший кусок. Маклай тоже должен есть вкусное мясо.

Маклай подумал об Ульсоне.

— Хорошо, — сказал он. — Кусок я у вас возьму.

ЕЩЕ ОДИН ПРАЗДНИК

Свинью в Горенду принесли как раз вовремя. В этот день Мукаю, брату Туя, привели невесту из Гумбу. Все жители Горенду — и мужчины и женщины — ждали ее у дверей своих хижин.

Невеста шла, опершись на плечи двух девочек и низко-низко наклонив голову, Вся она с головы до ног была вымазана красной краской — суру. На лице, от уха до уха, белели три линии, нарисованные известью. На голове невесты и ее подружек мерно,

в такт шагам, покачивались большие сумки — гуны. Дойдя до хижины жениха, девушка остановилась. Никто не говорил ни слова. Не слышалось ни песен, ни музыки. Медленно поднявшись со своего места, к невесте подошел самый старший из жителей Горенду и, пробормотав несколько слов, положил на ее гун новый передник, искусно сплетенный из травы и листьев. За ним подошел Туй с новым топором. За Туем стали подходить и другие.

Подарки складывали уже на земле. Здесь были и копыя, и плащи, и передники, и ожерелья. Невеста смотрела в землю и дрожала всем телом.

Маклай стоял в толпе папуасов и жадно рассматривал происходящее. Ему очень хотелось зарисовать в свой альбом и размалеванную невесту, и гору подарков, и озабоченных подружек. Но рисовать он не стал. Он уже знал, что папуасы боятся этого. Им кажется, что нарисованный должен непременно умереть, и даже Маклаю они не позволяют делать этого.

— Хорошие подарки, — сказал Маклаю знакомый голос.

Маклай обернулся. Рядом с ним стоял Саул — молодой папуас, отец Маши.

— Я тоже положил ей хороший донган. У нее теперь много донганов. Пять, и еще пять, и еще пять, и еще пять.

— Да зачем ей столько донганов? Здесь же хватит на целую деревню. И донганов, и табиров, и ожерелий, и плащей.

Саул удивленно посмотрел на Маклая.

— Все люди из Гумбу получают подарки. Это для всех жителей из Гумбу. Когда моя Маш-ша будет такая же большая, ее тоже уведут в другую деревню, и я тоже получу за нее и новый плащ, и новое копые, и новый табир. И я, и Туй, и Марамай, и Лялу — и

каждый человек из Горенду. Надо, чтобы каждому было хорошо от Маш-ши.

— Подожди! При чем же здесь Туй? Маш-ша ведь твоя дочка, а не Туя!

Саул засмеялся и покачал головой:

— Разве Туй не дает мне мяса, когда я хочу есть? Разве Марамай не собирает вместе со мной кокосов? Когда моя женщина Ло лежит больная, разве я не беру у Лялу и циновки, и плащ, и вареные бананы? Если меня ужалит змея, или ударит дерево, или болезнь войдет в мой живот, разве меня не положат в буамрамру и вся Горенду разве не будет кормить меня? Зачем же ты спрашиваешь меня, Маклай? Ты, верно, смеешься надо мной. Ты — человек с луны, ты сам знаешь все это.

— Я тоже хочу принести ей хороший подарок,— сказал Маклай.— Я сейчас пойду за подарком.

— Иди и приходи скорей! — согласился Саул.— Сейчас мы будем петь, и плясать, и бить в барабан, и есть вкусную инги. Скорей приходи, Маклай!

— Сейчас! Я вернусь сейчас же!

И Маклай быстро зашагал по тропинке к себе — к хижине.

ПОСЛЕДНИЙ ПОДАРОК

Ульсон сидел на ступеньках и не мигая смотрел прямо перед собой. Даже шаги Маклая не заставили его переменить положения.

— Что с вами, Ульсон? У вас опять лихорадка? Я принес вам мяса. Мы убили дикую свинью, и мне дали большой кусок для вас. Отчего вы сидите и молчите?

— Тише! — сказал Ульсон.— Слышите голоса?

Маклай прислушался. С земли, из травы, из листьев, как всегда, поднимался немолчный звон цикад и

кузнечиков. Как всегда, шумел в кустах быстрый ручей. Как всегда, с криком перелетали птицы с ветки на ветку.

— Вы ошибаетесь, Ульсон, здесь нет никого.

Ульсон посмотрел мутными глазами на Маклая.

— Я слышу голоса, — упрямо повторил он. — Кто-то зовет меня: «Ульсон! Ульсон!» И потом еще раз: «Ульсон!» И так целый день.

— Это лихорадка, — сказал Маклай.

— У меня сейчас нет лихорадки.

— И одиночество. Почему вы сидите весь день один дома? Почему вы не пойдете в Горенду, к людям?

— К папуасам? — презрительно протянул Ульсон.

— Да, к папуасам. К людям. Пойдемте сейчас. У них праздник. Я пришел за подарком невесте.

Ульсон с трудом поднялся и, держась за перила, вскарабкался наверх.

— Плевать я хочу на ваших папуасов! — злобно сказал он. — Я бы хотел, чтобы они провалились вместе с этим островом, и с этой хижиной, и с этими комарами, и вместе с вами, господин путешественник!

— У вас истерика, Ульсон, — холодно сказал Маклай. — Дикари папуасы держат себя с большим достоинством! Впрочем, не будем разговаривать об этом. Возьмите мясо. К вечеру я принесу вам каких-нибудь плодов и орехов.

Присев на корточки, Маклай торопливо открыл свой чемодан. Что же он подарит невесте? Ни бус, ни гвоздей, ни карманных зеркалец, ни перочинных ножей у него больше не было. Он давно уже раздарил все свои запасы. Последнее время ему нечем было даже отдаривать папуасов за их постоянные приношения. Правда, папуасы не сердились на него за это, но сегодня ему хотелось быть особенно щедрым.

— Ульсон! — крикнул он. — Нет ли у вас еще где-нибудь хоть кусочка лишней материи?

— У нас нет ничего! — сердито ответил Ульсон. — Ни материи, ни муки, ни соли, ни сахару.

Маклай пожал плечами. Он вывернул все содержимое чемодана на пол и с лихорадочной быстротой стал перебрасывать свои вещи. Подтяжки? Нет, это не годится! Записная книжка? Не нужна! Рваные носки — ни к чему. Зубная паста? Ну, этим не обрадуешь папуасскую невесту! На самом дне чемодана, смятая в комочек, приютилась последняя запасная рубашка Маклая. Вот над этим стоит подумать. Правда, это уже последняя рубаха. Та, что на плечах, скоро откажется служить. Но на этой, запасной, такие красивые полоски и перламутровые пуговики! Папуасской девушке она, конечно, понравится. Жаль, что у этой рубахи тоже проношен рукав: на правом локте прореха. Но этой беде можно помочь.

— Ульсон, где иголка и нитки?

— Не знаю, — хмуро отвечает Ульсон из своего угла.

Маклай шарит в ящике. Иголка и нитки найдены. Присев на табуретку, Маклай неискусными стежками зашивает дыру. Отлично! Подарок понравится всей деревне! Такая красивая, такая широкая рубаха! И такие замечательные пуговики!

Ульсон неодобрительно смотрит на Маклая:

— Последнюю рубашку уносите?

Но Маклаю не хочется сейчас ссориться с ним.

— Ничего, Ульсон, я как-нибудь обойдусь и без нее. Слушайте, Ульсон, бросьте дуться. Идемте со мной. На людях вам будет полегче.

Но Ульсон упрям. Он встряхивает своими светлыми волосами, кладет руки в карманы и молчит.

— Ну, как хотите, — говорит Маклай. — Я уйду. Не забудьте принять вовремя хинин!

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Все люди из Горенду и все люди из Гумбу были поражены подарком Маклая. Рубаха переходила из рук в руки. Над ней ахали, качали головами. Маленькая Маша, которой тоже показали рубаху, даже захватила в рот чудесную белую пуговицу и долго плакала, когда ее отняли.

Особенный восторг вызвал отстегивающийся подкрахмаленный воротник. Юная невеста ухватилась за него обеими руками, но жениху он понравился тоже.

Столпившиеся папуасы долго спорили, кому он должен достаться, но мужчины стали на сторону жениха, и Туй, как старший брат, торжественно надел его на шею Мукая.

Невеста сквозь слезы смотрела на жениха и улыбалась. Приятно все-таки быть женой такого нарядного и красивого человека! Зато пуговицы без спора достались девушке. Привязанные на ниточку, услужливо предложенную Маклаем, они сейчас же закачались на ушах невесты.

— Ай-ай! — восхищенно говорили папуасы. — Ай-ай! Какая красивая одежда! Какие красивые украшения!

Подарки разобрали и унесли в хижину.

К невесте, все еще стоявшей на прежнем месте, подошел один из стариков.

Он опирался на копьё, на его морщинистой шее вздрагивало праздничное ожерелье. Он протянул руку к волосам девушки. Крепко захватив курчавую прядку, он с силой дернул ее и заговорил нараспев:

— Пусть девушка из Гумбу будет хорошей женой человеку из Горенду! Пусть его пища всегда будет обильна, а огонь горяч! Пусть живут его дети, а стрелы его не знают промаха!

За первым стариком подошел второй, за вторым — третий.

И каждый дергал девушку за волосы, и каждый приказывал ей быть хорошей женой Мукая, беречь его очаг, его оружие, варить ему пищу, воспитывать его детей.

Невеста жалобно смотрела на стариков. Ей было больно, но она крепилась.

Громкий стук барабана прервал речи стариков. Обрадованная невеста пригладила растрепанные косички и вместе с подружками и женихом медленно вошла в свою новую хижину.

Мужчины уселись под навесом и принялись за еду. Мясо дикой свиньи оказалось особенно вкусным.

Туй, причмокивая, обсасывал кости и рассказывал без усталости, как горел вчера унан, как металась в огне испуганная свишня, как Маклай приложил к плечу свою палку — табу, как из табу выпрыгнул огонь и свишня упала, будто в нее попала молния.

Свинину запивали кэу — ошьяняющим напитком, сделанным из сока перечного растения.

Вскоре под звуки труб и флейт на площадке закружились плясуны. Раскрашенные ради праздника разноцветной глиной, танцоры высоко подпрыгивали. В стороне, усевшись в полукруг, мужчины хлопали в ладоши и пели свою песню:

В Горенду пришла девушка из Гумбу,
Она будет женой Мукаю.
Она будет делать ему браслеты,
Она будет варить ему пищу.
Завтра Мукай возьмет лук и стрелы,
Он убьет тиболя и кускуса,
Он наловит в корзину рыбы,
Он наберет полные руки кокосов.
Ешь, девушка! Ешь, девушка из Гумбу!
Ты родишь Мукаю здорового сына.
Жителям Горенду нужны новые люди,
Новые охотники и новые воины.
В Горенду пришла девушка из Гумбу,
Она будет женой Мукаю.
Она будет делать ему браслеты,
Она будет варить ему пищу.

Разожгли костер. Красный отсвет задрожал на высоких деревьях. Утомленные плясуны присели к огню. На смену им вышли новые.

Маклай чувствовал, что лихорадка опять овладевает им. Огонь не грел. Звуки флейт и дудок казались нестерпимо пронзительными. Лица танцоров, раскрашенные наполовину черной и наполовину красной краской, походили на видения страшного сна. Зубы застучали мелкой дрожью. По спине побежали холодные струйки озноба.

— Я пойду домой, — сказал Маклай и встал.
Встал и цоцатнулся. Саул поддержал его.

— Останься здесь, в буамрамре, — сказал он Маклаю. — Мы положим тебе новую циновку. Зачем тебе идти сейчас домой? Разве тебе не все равно, где спать: здесь или дома?

«Буамрамра! Что ж, это, пожалуй, хорошо. Я лягу на циновку и буду глядеть сквозь крышу на небо. Меня никто не будет трогать, мне не нужно будет ничего ни утешать, ни успокаивать. Ульсон, наверно, еще дуется, а если он одумается и захочет мириться, — значит, на всю ночь разговоров, упреков, жалоб!»

— Хорошо, Саул, я буду спать в буамрамре, — решает Маклай и идет, чуть пошатываясь, к большой хижине с резными украшениями у входа.

— Это болезнь? — спрашивают друг у друга папуасы, глядя вслед Маклаю.

— Нет, это кэу! — отвечают другие. — Маклай — человек с луны! Он не болеет, он не может болеть. Он просто выпил много кэу, чтобы Мукай и его жена были счастливы. Кэу связало ему ноги, и ему нужно отдохнуть.

— Пусть отдыхает! — решают хором папуасы.

И трубы начинают гудеть чуть-чуть тише, и танцоры танцуют чуть-чуть медленней.

В буамрамре темно. Сквозь растрепанную крышу светят звезды. Откуда-то пахнет цветами, ночными цветами Новой Гвиней.

Но лихорадка сильнее всего. И Маклай слышит сам, как стучат его зубы.

ДЫМ! ДЫМ!

Свадебный пир продолжался целую ночь. Люди успокоились только к утру. Только к утру заснул и Маклай. Свесив руку с помоста, он лежал на цинов-

ке, бледный, неподвижный, с каплями пота на лбу. Влажные от испарины волосы прилипли к вискам. Вокруг глаз легли тени. Тонкий нос казался еще тоньше. Из-под усов темнели потрескавшиеся от лихорадки губы. В буамрамре не было никого. Тонкий луч солнца, пробиваясь сквозь крышу, тянулся узенькой золотой дорожкой. Вырезанные на столбах ящерицы и рыбы скалили свои страшные пасти. Что-то шуршало в связках пальмовых листьев, брошенных на пустые нары. Может быть, это был ветер, пробравшийся сквозь открытую дверь; может быть, расхрабрившиеся мышцы. Луч опустился ниже. Вот он скользнул уже по бледной руке Маклая, по его впалой щеке, по темным векам. Маклай зашевелился. Глазам стало тепло от солнца. Маклай проснулся и приподнял голову. Он прислушивался; где-то далеко-далеко кричали звонкие голоса:

— Тамо-русс! Тамо-русс! Тамо-русс!

— Что за чертовщина! — пробормотал Маклай и с трудом спустил ноги с помоста. — Что это еще за «тамо-русс»? Тамо-русс — русские люди! Уж не начинает ли мне чудиться, как Ульсону? Этого только не хватало!

Но крики приближались. Кто-то бежал — и, очевидно, бежал с берега.

Легкие ноги протопали по твердой площадке. В хижинах со всех сторон зашевелились люди.

Кто-то что-то спросил. Кто-то что-то крикнул на бегу. Завизжали дети. Залаяли собаки. И вот уже чья-то тень закрыла входное отверстие буамрамры.

— Маклай! Маклай! Проснись! В море дым!

— Дым?

— Дым! Я был на берегу! Возле Кар-Кара прямо из воды выходит дым!

— Ты ошибся! Это просто люди Кар-Кара жгут унан. На воде не бывает дыма!

— Нет, это на воде! Я знаю, что это! Это твоя лодка. Это тамо-русс!

Тамо-русс! Русские люди! Бледные щеки Маклая побледнели еще больше. Казалось, вся кровь хлынула к сердцу, в груди сразу стало тесно, в ушах зашумело.

— Не может быть!

— Посмотри сам, Маклай! Посмотри и скажи нам! Если это не тамо-русс, значит, это горит море!

— Не кричите! Я посмотрю сам!

Пальцы путались в шнурках башмаков. Пуговица не хотела попадать в петлю. Кожаный пояс прятал свои дырочки и не лез в пряжку. Стиснув зубы, Мак-

лай натягивал на себя платье, шнуровал кое-как башмаки, застегивал пояс. Наконец-то можно бежать... Бежать со всех ног, не разбирая дороги, прыгая через камни, перескакивая через поваленные деревья, прямо на берег, прямо к морю. Взбравшись на высокий камень, Маклай остановился и перевел дух. Дым! Да, в море действительно был дым. Конечно, это пароход. Его еще не видно: он далеко; но дым — это пароходный дым, и он приближается сюда!

— Маклай, что это такое? Это тамо-русс?

— Это большая лодка, Саул. Может быть, это и тамо-русс!

Маклай спрыгивает с камня и бежит по берегу к себе, к своей хижине на сваях.

Розовое от солнца море лежит почти неподвижно.

Еще прохладны под ногой камни и песок, остывшие за ночь. В крохотных заливчиках между скалами тихо булькает вода. На отмелях еще лежит лиловая тень — тень от нависших сверху камней, от свисшегося в пропасть дерева.

Но Маклай не смотрит сейчас ни на тени, ни на солнце. Он бежит, прихрамывая в своих стоптанных башмаках, бежит, не спуская глаз с белого неподвижного облачка.

— Дым! Дым!

НА КОРАБЛЬ!

— Ульсон, проснитесь! В море корабль!

С грохотом летит какой-то ящик. Звякает опрокинутый стакан. Опухший от сна Ульсон в одном белье выскакивает навстречу Маклаю:

— Корабль? Вы говорите — корабль? Это за нами?

— Не знаю. Может быть, и нет! Но мы все равно должны его встретить!

— Корабль!

Ульсон хохочет. Ульсон поет. Ульсон вдруг переворачивается вниз головой и лихо обходит на руках всю маленькую площадку перед хижинкой.

— Ульсон, нельзя терять время. Мы должны поднять флаг, переодеться, взять письма и выехать в лодке навстречу судну.

— Навстречу судну! Судну!

Ульсон от радости не может говорить. Он делает пируэт, хлопает босыми пятками, щелкает пальцами, показывает язык морю и бежит одеваться.

Маклай поднимает флаг. Большое полотнище послушно скользит по веревке вверх. Легкий ветер разворачивает его. Оно бьется и пытается лететь, совсем как привязанная птица.

Маклай идет в комнату, чтобы переодеться. Перевернутый чемодан лежит пустой и смятый.

— А переодеться-то и не во что, — смеется Маклай. — Как это я забыл, что у меня теперь нет даже запасной рубашки! Ну не беда.

Он берет щетку и тщательно чистит ею башмаки. Голые пальцы недовольно шевелятся. Ну и башмаки!

Ульсон выходит из-за перегородки сияющий и великолепный. На нем полосатый галстук, прощальный подарок жены, на рукавах — медные запонки; мягкая шляпа сдвинута чуть-чуть набок. От него даже, кажется, пахнет одеколоном.

— Укладывать вещи? — спрашивает он.

Маклай смотрит на него.

— Ваши — да! — медленно говорит он, чуть-чуть помолчав.

— А ваши?

— А мои пока не надо.

— Вы хотите оставить все это папуасам?

— Я еще не знаю. Может быть, я еще останусь здесь и сам.

— Здесь? Еще?!

Ульсон снимает шляпу и в изнеможении обмахивается ею. Он ничего, он буквально ничего не понимает. Но Маклай не дает ему времени на размышления.

— Идемте в лодку, — торопит он его. — Я сговорился с Саулом и Дягусли. Они отвезут нас к кораблю.

Ульсон в последний раз обходит хижину. Нет, он ничего не забыл. Портрет жены в оборках и с бантами уложен. Бритвенный прибор, мыльница с венком незабудок и надписью: «Воспоминание о Мальме» — тоже уже в чемодане.

— Я готов, — говорит он.

...Лодка идет быстро и уверенно. Теперь уже видно и все судно. Виден русский флаг. Вдоль борта — надпись знакомыми буквами: «Изумруд».

Маклай опускает бинокль. Корабль растет все больше и больше. На реях матросы машут бескозырками. Ленточки взлетают по ветру.

Папуасы в лодке перестают грести. Они испуганно смотрят друг на друга, на Маклая.

— Сколько людей! — говорят они. — Сколько тамо-русс! На этой лодке людей больше, чем во всей Горенду. Мы не хотим плыть дальше, Маклай!

— Не бойтесь! Я же с вами!

— Нет, мы боимся, Маклай!

Матросы на реях громко кричат «ура». Гремят медные трубы духового оркестра.

Маклая узнали! Маклая приветствуют!

Папуасы дрожат всем телом и затыкают уши руками. Выроненные весла уносит течение.

— Что вы делаете?! — кричит Маклай.

Но папуасы не слушают его. Они взмахивают руками над головой и прыгают в море. Темные руки быстро рассекают воду. Они плывут к берегу. Их

курчавые головы в перьях скачут по волнам, как мячи.

С «Изумруда» бросают канат.

Маклай и Ульсон с усилием подтягивают лодку к борту корабля.

Еще оглушительней гремят трубы. Еще громче раздается троекратное «ура». Десятки рук протягиваются к Маклаю и Ульсону, десятки рук помогают им подняться на борт.

И вот под ногами уже палуба. Блестят надраенные поручни. На стекле капитанской рубки мерно колышутся отсветы моря и солнца.

Кто-то жмет руку. Кто-то обнимает Маклая. Чья-то выбритая, еще по-утреннему пахнущая мылом щека прижимается к его лицу.

— Николай Николаевич! Голубчик! Наконец-то!

РАЗГОВОР В КАЮТ-КОМПАНИИ

— Простите, Николай Николаевич, но я чего-то не понимаю. Вы не хотите ехать с нами?

— Я думаю, что мне следует остаться здесь.

— Погодите, погодите! Давайте говорить толком. Сколько времени вы пробыли на острове?

— Пятнадцать месяцев.

— Пятнадцать месяцев! И этого вам еще мало?

— Мне хочется собрать побольше материалов и, кроме того...

— Ну, что же еще? Говорите, Николай Николаевич!

— ...и, кроме того, папуасы очень привязались ко мне.

— Хорошенькое основание для смерти от лихорадки. Да на вас ведь лица нет, Николай Николаевич! Вы знаете, мы даже не сразу узнали вас. Худой,

желтый, с ввалившимися глазами. Краше в гроб кладут, как говорится.

— Это ничего. Вы оставите мне хинина, и с меня этого будет достаточно. Вот Ульсона вам следует взять непременно. Мне иногда казалось, что он начинает сходить с ума.

— И совершенно естественно. Я бы тоже, наверное, сошел с ума!

— Уверен, что нет. Но об этом потом. Давайте договоримся окончательно. Вы мне оставите хинина, немного провизии, бумаги... Хорошо, если найдется пара рубах и штанов. И башмаки. Башмаки мне нужны непременно.

— И, значит, снова на год?

— До нового парохода. Может быть, и больше чем на год.

— Безумие! Чистейшее безумие! Будь я проклят, если приложу к этому руку! Ни хинина, ни башмаков, ни сухарей. Вы едете с нами, Николай Николаевич.

— Вы просто шутите, капитан. Не будете же вы увозить меня насильно?

— Нет, конечно, нет! И хинина я вам оставлю тоже сколько хотите. Но вы должны еще подумать.

— Я думаю.

— Вы на меня не сердитесь, голубчик, но я тоже вроде вашего Ульсона. Ну что вы находите хорошего у этих дикарей?

— Да, это совсем как мой Ульсон... Скажите, капитан, вы когда-нибудь рубили дерево каменным топором?

— Я? Каменным топором? Чего ради?

— Ну, а если бы вам пришлось это делать, как вы думаете, легко бы вам это было?

— Дерево? Каменным топором? А черт его знает! Должно быть, не очень!

— А если бы вам пришлось сделать из кокосового ореха красивый, по-настоящему красивый сосуд, с тонким узором, с затейливым рисунком? И тоже без пожа, без лобзика, без токарного станка, одной костью да отточенной раковинной. Сделали бы вы его?

— Нет! Думаю, что нет!

— А как вы думаете, если бы в вашем доме, в вашем большом многоэтажном петербургском доме, заболел кто-нибудь совсем для вас чужой — не ваш сын, не ваш брат, не ваш друг даже, — бросили бы вы все свои дела, чтобы сидеть у его кровати, бинтовать его раны, давать лекарство...

— Ну, если бы было время...

— Ага, вот-вот! Если бы было время! А дикари папуасы делают это, ни о чем не раздумывая... Каменным топором они строят себе хижины, отточенной костью они украшают свою посуду и оружие, из простых травинки они плетут браслеты, которым позавидует любая модница. Вы говорите «дикари»... А дайте этим дикарям стальную пилу, дайте им ткацкий станок, дайте им в помощь лошадь или осла, корову для их детей, доктора для их больных, и вы увидите, какие это будут люди!

— Николай Николаевич, дорогой! Да вы, кажется, сердитесь на меня?

— Нет, капитан, я не сержусь. Я просто хочу, чтобы вы знали, о чем вы говорите. Вы знаете, о чем я мечтаю, капитан?

— Ну, ну...

— Я мечтаю, чтобы этот берег назвали берегом Маклая. Я мечтаю создать здесь колонию настоящих людей. Я мечтаю уговорить тех, кого я уважаю и ценю, поселиться со мной на этом берегу. Мы привезли бы с собой плуги, кирки, лопаты. Мы привезли бы с собой домашних животных, семена и лекарства. Мы научили бы папуасов пользоваться всем этим. Мы

доказали бы, что белые люди не всегда только хищники и хозяева. И что это был бы за чудесный край, капитан!

— А ведь не плохая мысль, Николай Николаевич!

— Ну вот! А вы смотрите на меня, как на сумасшедшего!

— Зачем вы так?

— Ну, как на чудака, все равно! А чудака хочет только одного: помочь народу, который этого стоит.

— Значит, вам надо ехать с нами.

— Почему?

— Потому что только вы сумеете уговорить тех, кого вы хотите уговорить. Не я же сделаю это! А вы и ваши доклады...

— Да, доклад мне следовало бы сделать.

— Значит, вы согласны со мной! А к тому же вы ведь едва стоите на ногах. Поедем с нами. «Изумруд» отвезет вас в Европу. Вы окрепнете и отдохнете. Вы соберете людей и деньги, и тогда уж за дело — обратно на Новую Гвинею!

— А пожалуй, вы и правы, капитан.

— Значит, решено?

— Не знаю. Я подумаю. Подождем до завтра.

— Хорошо, подождем до завтра.

ПРОЩАНИЕ

Папуасы сидели на поваленных деревьях возле хижины Мактая и молчали. Лица их были печальны, глаза опущены в землю. Некоторые, вздыхая, раскачивались из стороны в сторону, как на похоронах, когда тело умершего в легком гробу из пальмовых листьев поднимают в его последнее жилище, на перекладины под крышей в его же хижине.

Маклай собирал вещи. Капитан «Изумруда» убедил его. Маклаю нужно самому привести в исполнение намеченные планы. Но он вернется, это совершенно ясно!

Маклай выходит из хижины. Он садится рядом с Туем и тоже молчит. Ему грустно. Ему очень, очень грустно.

— Маклай,— говорит наконец Туй и поднимает на него глаза,— зачем тебе уезжать, Маклай? Разве у тебя на луне есть такие братья, как мы?

— Нет, Туй, нет. Вы мои настоящие братья.

— Останься с нами. Мы выстроим тебе по хижине в каждой деревне. У тебя будет дом и в Горенду, и в Гарагасси, и в Гумбу, и на Били-Били. Мы дадим тебе жен, Маклай. В каждой хижине будет женщина, и в каждой хижине будет очаг. Куда бы ты ни пришел, тебя везде будет ждать горячий буам. Мы посадим для тебя таро. Мы будем охотиться для тебя, Маклай.

— Не удерживай меня. Я еще вернусь к вам.

— Возвращайся скорее, Маклай.

-- Скоро! Да...

Между деревьями мелькают огни. Это идут с факелами из Били-Били и Гумбу.

— Пойдем с нами, Маклай,— говорят они.— В Гумбу собрались люди с гор. Они хотят посмотреть на твое лицо и слышать твой голос.

Маклай смотрит на свои изорванные башмаки. Он так и не успел их переменить на «Изумруде».

— У меня болят ноги,— отвечает он.— Мне трудно идти по камням в Гумбу.

— Мы отнесем тебя на руках. Смотри, мы сделаем из веток носилки и отнесем тебя, как дикого кабана с охоты. Нехорошо, если люди с гор не увидят тебя теперь.

Носилки, подхваченные сильными руками, едва

покачиваются на ходу. И впереди и сзади носилок идут папуасы с зажженными факелами. Сухие листья трещат в огне. Тени цепляются за ветви деревьев, колышутся на кустах.

— Спойте мне песню,— просит Маклай.

Как всегда, начинает Саул. Потом подхватывают остальные. Низкий голос Туя гудит, как басовая струна:

Если ты не вернешься к нам снова,
Если мы не увидим тебя,
Завянут листья на наших пальмах
И дожди затопят наши хижины.
Если ты не вернешься к нам снова,
Тангрин разорвет нашу землю,
Море выйдет из своих берегов
И о камни разобьются пироги.
Если ты не вернешься к нам снова,
В каждой хижине будут слезы и горе,
Буду плакать я, будет плакать Маш-ша,
Будет плакать Туй — сильный человек.

Маклаю делается еще грустнее от этой песни. Он опускает руку с носилок и трогает курчавые волосы Саула.

— Я вернусь! — повторяет он шепотом. — Я же вам сказал, что вернусь!..

БИК! БИК!

Саул и Лялу по колено в воде помогали Маклаю грузить его вещи в шлюпку. Шлюпку качало. Уцепившись за корму, Туй, тоже по колено в воде, с усилием удерживал ее.

— Всё! — сказал Маклай. — Можно и ехать!

Он выпрыгнул на берег и крикнул Туя:

— Туй! Посмотри за лодкой! Я сейчас вернусь!

Маклай остановился посередине комнаты и огляделся по сторонам. Все в порядке. Ящики с коллекциями, дневники, бумаги — все это уже в шлюпке.

Ножницы, топоры, два-три ножа, чашки и чайник остаются папуасам. Жаль, что он так мало оставляет им!

Под ногами загремела пустая жестянка из-под кофе. Маклай поднял ее и улыбнулся. Ульсон, наверно, посмеялся бы над ним. Но ничего! Не всегда же делать только одни умные вещи. Ловким движением ножниц Маклай режет тонкую жезь. Какие прекрасные серьги! Это Тую! Это Лялу, это Саулу, а этот кружочек с дырочкой посередине — Маше для ожерелья. Когда он вернется сюда, он обязательно привезет ей красное платье и красные башмачки. Весело даже подумать, как она будет радоваться всему этому.

Маклай сует серьги в карман и закрывает за собою дверь. Он медленно сходит со ступенек и медленно идет по тропинке. Вот и стрела на дереве! Ему так и не пришлось зарывать здесь свои дневники. А рядом, на другом дереве, толстая доска и на ней — медная пластинка с короткой надписью:

«Витязь». Сентябрь 1871
МИКЛУХО-МАКЛАЙ
«Изумруд». Декабрь 1872

Сегодня утром ее прибили здесь по распоряжению капитана «Изумруда».

Волнение перехватывает горло Маклая. Пятнадцать месяцев, целых пятнадцать месяцев!

К лодке он спускается уже бегом. Папуасы смотрят на него. Они понимают, что и ему тоже невесело. Туй громко вздыхает и качает головой.

— Ничего, ничего,— говорит Маклай и, отворачиваясь от него, лезет в карман.— Вот серьги. Это тебе, Туй. И Саулу и Лялу!

Папуасы громко щелкают языком. Какие краси-

вые серьги! Во всей Горенду нет таких блестящих, таких длинных серег. Но и серьги не утешают их.

— Маклай! — тихо говорит Саул и дергает Маклая за полу пиджака.

Но Маклай только машет рукой.

— Туй! — говорит он.— Саул! Лялу! Поедем со мной. Я покажу вам лодку и белых людей. Не бойтесь. Я буду с вами!

— Ты все время будешь с нами?

— Все время!

— Хорошо! Мы поедем с тобой,— говорит Туй и прыгает в лодку.

Саул и Лялу прыгают тоже. Лодка отчаливает от берега. Белая пена прибоя уже далеко за кормой. Уходит берег. Уходят зеленые чащи. Уходит домик на сваях и белые струйки дыма над хижинами Горенду.

На борту «Изумруда» папуасы ни на шаг не отстают от Маклая. Они держат его за рукава, за полы, за свободный конец пояса.

Белые люди с любопытством осматривают неожиданных гостей. Перед ними ставят тарелки с угощением, но папуасы жмутся к Маклаю и ничего не едят.

Маклай ведет их в машинное отделение, потом на палубу к пушкам.

Ни пушки, ни машины не нравятся папуасам. Их пугает жар и огонь кочегарки, они отворачиваются от неподвижных пушек, шум машин заставляет их вздрагивать всем телом. Но вот Маклай подводит их к загородке на палубе. Два маленьких бычка — живой запас провизии для «Изумруда» — лениво пережевывают сено.

Папуасы хватаются руками за перегородку и замирают в восторге. Они смеются, они причмокивают, они качают головами.

— Какая хорошая свинья! — кричат они. — Какие хорошие свиньи у тамо-русс! Дай нам свинью, Маклай!

Туй протягивает руку через загородку и осторожно касается черной сплюнутой морды быка. Потом поднимает руку к рогам.

— Что это? — спрашивает он. — Это зубы?

Матросы, столпившиеся вокруг папуасов, покатываются со смеху.

— Это не свинья, Туй, — терпеливо говорит Маклай. — Это бык. Скажи громко: «бык».

— Бик! Бик! — старательно повторяют папуасы.

А Туй смотрит на Саула и говорит наставительно и важно:

— Когда у свиньи зубы растут на голове, ее называют бик!

Маклай проводит папуасов по всему кораблю.

После быков им больше всего нравится фортепьяно.

Маклай садится на круглую табуретку и играет вальс «Дунайские волны».

Саул от удовольствия даже закрывает глаза. Потом, осмелев, опускает с размаху ладонь на белые и черные клавиши. Фортепьяно возмущенно ревет. Но этот рев нравится папуасам еще больше, чем «Дунайские волны». За Саулом хлопает по клавишам и Лялу, а Туй выбирает одну отдельную клавишу и стучит по ней пальцем — десять, двадцать, тридцать, сорок раз подряд!

Маклай с трудом отрывает папуасов от инструмента и тащит их дальше. Они со смехом останавливаются перед большими зеркалами в кают-компани, трогают столы, покачивают стулья, щупают занавески. Но люди пугают их. Когда с ними пытаются заговорить, они ближе льнут к Маклаю и плотно сжимают губы.

— Ай-ай! Сколько на луне людей! — шепчет Туй.— Что мы будем делать, если они все приедут к нам на землю?

Однако пора прощаться.

Маклай провожает их до веревочной лестницы. Папуасы по очереди обнимают его, крепко прижимаются к его щеке своей щекой.

— Когда ты вернешься, Маклай? — спрашивает еще раз Туй.

Маклай задумывается. Он подыскивает нужное слово и не может его найти.

— Скоро, как только смогу,—говорит он наконец.

Туй понимает его. Он кивает и прыгает в лодку. Вода тихо кружит легкую лодку, но папуасы все еще не берутся за весла.

В последний раз они смотрят на наклоненное к ним лицо Маклая. В последний раз они машут ему. Весла поднимаются вверх. Еще минута, и пироги не станут видно. Что бы еще сказать на прощание друзьям? Но Маклаю трудно говорить. Темное лицо Туя печально, как у ребенка. Он тоже пытается что-то сказать и тоже не находит слов. Сдвинув брови, он наконец опускает весло. Брызги взлетают до самого борта корабля.

— Эме-ме! Эме-ме! — кричат Маклаю папуасы.

— Прощай, друг! — отвечает им Маклай теми же словами.

Последние возгласы тонут в пронзительном свистке парохода.

Забирая носом вправо, «Изумруд» тяжело поворачивает свое грузное тело. Хлопают по воде колеса. Вода с шумом расступается перед железной грудью клипера. И вдруг, как бы в ответ на прощальный свисток, на берегу тревожно и громко начинают бить барабаны. Барабаны бьют в Горенду, бьют в Били-Били.

«Прощай, Маклай! — говорят барабаны. — Прощай, человек с луны! Прощай, друг! Эме-ме! Эме-ме!»

Маклай снимает шляпу. Его руки крепко сжимают медные поручни, шея вытянута. Он смотрит не отрываясь на уплывающий берег, на красные паруса пиро́г.

— Я еще вернусь! — шепчут его губы. — Я еще вернусь!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И Миклухо-Маклай сдержал свое слово. К своим друзьям папуасам он возвращался еще два раза.

Два раза еще встречали его с песнями и плясками люди из Горенду и из Гумбу, из Гарагасси и из Теньгум-Мана. В тяжелых ящиках, окованных железом, он привозил им диковинные подарки: тут были лопаты и топоры, кирки и гвозди и даже целый ящик семян — апельсинов, лимонов, кофейного дерева, ананасов.

Присев на корточки над свежевзрыхленной полоской земли, он терпеливо учил, как нужно сажать эти зернышки. Он показывал папуасам, как нужно ухаживать за первыми слабыми ростками, и тут же, засучив рукава, стальным топором срубал над ними ветви, заслоняющие солнце.

В последний свой приезд он привез даже пару коз, бычка и телку. С криком и шумом выгружали невиданных животных из колыхающейся шлюпки.

Испуганные папуасы отворачивались от рогатых животных.

Женщины закрывали лицо руками, а дети с визгом жались к их коленям.

И только Туй, храбрый, самоуверенный Туй, важ-

но поглядывал вокруг себя и, протягивая свой темный палец, говорил торжественно:

— Бик! Это бик! Не бойтесь, люди! Это только свинья с зубами на голове. Такую свинью белые люди называют биком, и Туй знает это!..

Снова подолгу жил Маклай в хижинах под высокими кровлями и снова собирал черепа животных и людей, изучал обычаи, язык, привычки папуасов.

Вместе со своими старыми друзьями он объезжал на лодке знакомые деревни. К нему опять приводили больных, с ним советовались относительно войны и мира, во время дождей его просили прекратить ливни и отказывались верить, когда он говорил, что не может сделать этого.

Все было как будто по-прежнему, но с каждым приходом Маклай видел, как быстро идет время, как все меняется вокруг него.

Кокосовые пальмы, посаженные им когда-то на берегу возле хижины, выросли теперь в высокие и крепкие деревья. Выросла и маленькая Маша, а младший сын Туя, Лялай, стал стройным и сильным юношей с серьгами в ушах и перьями в волосах.

В последний свой приезд Маклай до утра пировал на их свадьбе вместе с другими папуасами.

Он снова пил кэу и сидел на почетном месте — между Саулом, отцом невесты, и Туем, отцом жениха. Теперь уже не Туй, а Лялай плясал перед гостями воинственную пляску, потрясая копьём и целясь из лука, и теперь уже Маклаю пришлось первому потянуть коротенькую косичку Маши и сказать ей все то, что требовал обычаем папуасов. По-прежнему гудели трубы и били барабаны. И даже месяц был такой же тоненький и прозрачный.

Но Маклаю было грустно и тревожно на этом пиру.

Да, время шло! Время шло очень, очень быстро,

а он все еще не сделал того, что так хотелось ему сделать. Так и не удалось ему создать поселок на берегу Тихого океана.

Все его хлопоты в Петербурге пропали даром.

Не помогали ни лекции, ни просьбы, ни докладные записки, которые он писал одну за другой.

Правда, его доклады были очень интересны, и все ученые с волнением говорили о них.

Сухой и потемневший от гложущей его лихорадки, Маклай говорил негромким, страстным голосом. Его маленькая, но сильная и жилистая рука, постукивая мелом, чертила на большой доске цифры, рисунки, чертежи.

В ярких словах оживало все, что он видел там, на далеком берегу Новой Гвиней. Вот высокая хижина папуасов, сделанная почти без инструментов, одними каменными топорами, костяными ножами. Вот профиль воина в боевом уборе. Вот искусно сделанный донган. Вот ожерелье из пестрых ракушек. Вот песня, записанная со слов Туя. Вот сказка. Вот и тщательно перевязанные пучочки волос, срезанных когда-то Маклаем с курчавых висков его приятелей папуасов. Да, Маклай вернулся в Европу не с пустыми руками! Каждый факт, сообщаемый им, был точен, каждое доказательство убедительно.

Только климат, только условия труда, только особенности жизни создавали разницу между белыми и цветными. Другого не было ничего, и все возражения противников казались и жалкими и смешными.

Но царскому правительству не было никакого дела до этого. Ученые могли говорить что угодно о замечательном и отважном путешественнике, но правительство не давало ему ни копейки.

Его ящики с коллекциями стояли нераскрытыми, труды его не печатались, тетради его дневников и записок плесневели в запертых чемоданах.

Может быть, именно об этом и думал Маклай в последний свой проезд, на свадебном пиру Машы и Лялая. Недаром так сурово хмурились его брови, так крепко сжимались пальцы, так бледнели его и без того бледные щеки. Что же будет, если он так и не придет на помощь своим друзьям? Разве он не видит сам, что время бежит, что нужно торопиться, торопиться!

Уже не одно европейское государство поглядывает с жадностью на этот цветущий уголок земли, на этих сильных темнокожих людей.

Все чаще и чаще на берегах Новой Гвинеи звучит европейская речь. Гулко ухают топоры, вырубая просеки для плантаций. То там, то здесь взвиваются флаги — немецкие, голландские, французские.

Кокосы, драгоценное дерево, дешевая рабочая сила — обо всем этом уже начинают говорить в Европе.

Еще несколько лет, и этот солнечный берег будет заполнен хищниками — купцами, плантаторами. Маклай знал это и не мог с этим бороться, не мог защитить от насилия этих простых, доверчивых людей!

— Отчего ты не смеешься? — робко спрашивает Маклая Туй и кладет ему на колено свою сильную руку. — Ты опять хочешь уехать от нас? Оставайся! Мы все как братья тебе, и ты брат нам. Оставайся, Маклай! Оставайся, человек с луны!

Маклай поднимает голову. Нет, пока он жив, он не откажется от своих планов. Все, что можно сделать, будет сделано.

— Теперь я уеду ненадолго, — тихо говорит он. — Я вернусь, и вернусь навсегда. Я построю себе домик на островке Мегасперра и буду жить рядом с вами. Ты будешь рад, Туй?

— Я буду рад, — говорит Туй. — И мы все будем ждать тебя.

И в этот, в последний раз пирóги папуасов провожали его далеко в море.

Снова били барабаны. Горели костры. Снова папуасы кричали вслед уходящему кораблю:

— Эме-ме, Маклай! Эме-ме!

Но Маклай не сдержал своего слова. Он больше не вернулся на Новую Гвинею.

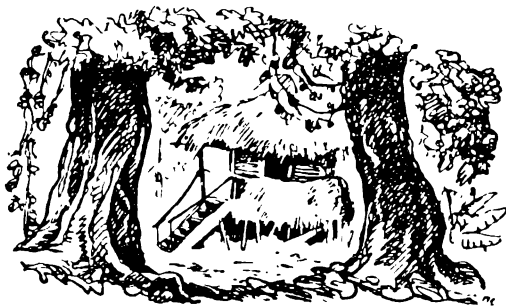
Ему помешала смерть.

Говорят, что хижина на сваях сохранялась многие годы.

Папуасы берегли жилище своего друга. Ни одна вещь не была унесена оттуда, ни один гвоздь не был выдернут из стен маленького домика.

И говорят, что долго приходили папуасы посидеть у этого высокого крыльца и долго еще там пелись песни о белом человеке, человеке с луны, брате папуасов из Горенду.

Его хижина стоит крепко,
Загляни в нее, молодой месяц.
Для людей Горенду он брат —
Твой сын, молодой месяц.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Прибытие	3
Первый друг	6
На лесной тропинке	9
Новые знакомые	12
Домик на сваях	15
Стрела на дереве	19
Последний салют	21
Ночная вахта	25
Новая деревня	27
Каарам-тамо — человек с луны	30
Маклай принимает гостей	33
Вода, которая стоит, и вода, которая горит	34
Ожерелье из раковин	37
Лихорадка	39
У ручья	41
Машенька — Маш-ша	43
Ночью	47
Болезнь Туя	49
Война	52
Войны не будет!	53
Разговор с Ульсоном	57
На охоту!	60
Унан-трава	65
Еще один праздник	67
Последний подарок	69
Последняя ночь	72
Дым! Дым!	75
На корабль!	78
Разговор в кают-компании	81
Прощание	84
Бик! Бик!	86
Заключение	91

Цена 25 коп.